

СВЯЗАННЫЕ ШАРФОМ

МАРИЯ СМИРНОВА

«НИКОГДА ЕГО НЕ СНИМАЙ»

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Связанные шарфом

Мария Смирнова

Связанные шарфом

«Автор»

2026

Смирнова М.

Связанные шарфом / М. Смирнова — «Автор»,
2026 — (Связанные шарфом)

Аврора Снегирёва: что такое утрата, я узнала слишком рано. Мне было всего восемнадцать лет, когда в ночь на Новый год парень, которого я любила, погиб. Всё, что у меня осталось от Лёши — зелёный вязаный шарф, который я купила ему в подарок в странном магазинчике. Но однажды в двери я нашла письмо без единой надписи. И оно изменило всё. Алексей Зайцев: думал ли я когда-нибудь, что умру? Нет! Мне было всего-навсего восемнадцать лет. Для меня жизнь казалась бесконечно долгой, а смерть — далёкой. Я погиб, защищая свою девушку. И оказался в альтернативной реальности, где Аврора меня ненавидит. Вот только без её помощи из этого мира в свой мне не попасть. Всё, что у меня осталось — зелёный вязаный шарф, и только он связывает меня с моим домом.

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	29
Глава V	34
Глава VI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Смирнова

Связанные шарфом

Глава I

Книга, кофе и зелёный шарф

Прежде всего, мои друзья, вы должны понимать: история, которую я собираюсь рассказать, случилась со мной в действительности, хотя в вашем мире это, скорее всего, обычная сказка. Мне было всего восемнадцать лет, когда я узнала, что такое утрата. И столько же, когда поняла, что наш мир далеко не единственный. Итак, меня зовут Аврора Снегирёва, и я спасла своего парня от гибели. Но обо всём по порядку.

Так с чего всё-таки начать? Нужно подумать... Знаю! Начну с шарфа... Или нет? С пурги, которая накрыла небольшой городок Лесной 20 декабря 2017 года.

Чтобы выбрать хороший подарок, сейчас вам достаточно открыть смартфон и сделать пару кликов — после этого спустя пару дней выбранная вами вещь будет ждать вас в ближайшем пункте выдачи.

У меня на смартфоне не было приложения маркетплейса. Более того, я жила в небольшом городке, укрытом со всех сторон густым, непроходимым лесом.

Лесной удобно разместился на пересечении двух рек: Черемшана и Волги. На тот момент его население едва переходило черту в сто тысяч человек, а достойных магазинов можно было пересчитать по пальцам. И каждый из них мы обошли вместе с моей лучшей подругой Алиной, чтобы закупиться подарками и покупками к Новому году.

Сложность заключалась в ещё одном неприятном факте. Я прекрасно знала, что именно мне было нужно, чтобы обрадовать своего парня Лёшу. Ох уж эта юношеская влюблённость, скажете вы! А ведь именно эта самая первая любовь, невинная и яркая, способна на невероятные чудеса.

Вот уже неделю я караулила полки книжного магазина, куда 20 декабря поступило несколько свеженьких, ещё пахнущих типографской краской экземпляров последней части трилогии фэнтезийного романа Алисы Сеницыной «Повелитель драконов». И да! Мне удалось, преодолев километровые очереди (ну ладно, может, чуть преувеличила), выпить не просто книгу, а подарочное издание нашумевшего бестселлера. Это была не просто книга, а грааль, о котором я целую неделю без усталости слушала от Лёши.

И, заполучив бесценное сокровище, словно хрустальное сердце мира, я расположила его у себя в сумке, довольная собой. Я была уверена — Лёша не сможет купить этот роман, ведь я забрала последнюю книгу.

Устав от долгого похода по магазинам и сражений с тяжёлыми тележками горожан, готовившихся к самому главному празднику в году, мы с Алиной нашли укрытие в нашей любимой кофейне «Котофей».

Было приятно расположиться около окна в помещении, где всегда так вкусно пахло кофе, шоколадом и имбирём.

Посередине маленького круглого столика нашли своё место искусственные свечи, мягко мерцающие, подражающие естественному огню. Они были окружены композицией, состоящей из еловой ветки, шишек и сухих апельсиновых кусочков. На окнах и стенах уже были вывешены белые тёплые гирлянды и золотые шарики.

С глянцевого меню, расположенного на деревянной подставке, на меня с ухмылкой поглядывал мультяшный серый кот с криво приделанными прозрачными крыльями за спиной и волшебной палочкой в лапе.

— Ну и погоду ты выбрала! — сказала Алина.

С тёмных растрёпанных волос моей подруги на пол капала вода. Её макияж — чересчур длинные стрелки и ярко-красная помада — едва-едва пережил битву со встречным ветром и хлопьями снега.

— Ты же видела, что я забрала последнюю книгу. Пошли бы завтра — остались бы ни с чем, — довольная собой, проговорила я, подняв руку, чтобы позвать официантку.

— Нужно было сразу идти сюда. Я тебе говорила, что в торговый центр привезут раньше. Скажи честно, оно того стоило?

— Не знаю, но, как минимум, этот подарок будет символичным.

— Вы оба чокнулись на этой книге! — злобно проговорила Алина, убрав с шеи белый пушистый шарф.

Что правда, то правда. Но не только мы помешались на ней. Последняя — вторая книга трилогии «Повелитель драконов» — вышла на свет ещё за два года до описываемых мной событий. С тех пор её популярность только возрастала.

История о юноше-сиротке, отправившемся из нашего реального мира в мир магии и драконов, где он узнал о гибели своих родителей и вступил в гильдию по борьбе с огромными волшебными ящерами, завоевала сердца многих подростков. Когда в конце первой книги Артур вознёс меч, чтобы вонзить его в сердце драконихи, но опустил, узнав в ней свою мать, я, как и многие другие читатели, не смогла сдержать слёз. Этот момент фанаты считали одним из самых трагичных.

Вторая книга была уже не настолько эмоциональной. Она больше рассказывала о мире драконов, в котором оказался Артур, о проклятии, настигнувшем его семью. Конец оказался эпичным. Главного героя вывели на плаху, чтобы казнить за предательство.

С тех пор каждый, кто читал незаконченный цикл хотя бы раз, проклинал его автора Алису Сеницыну за слишком долгое написание концовки. Чтобы хоть как-то унять читательский зуд, фанаты создавали собственные альтернативные варианты концовки, писали фанфики, собирали группы по интересам, проводили личные встречи и квизы. На одном из таких мероприятий мы с Лёшей и сблизились.

В начале прошлого года фан-клуб Алисы Сеницыной в Лесном решил устроить викторину, победитель которой должен был получить мерч и две книги в подарочном издании. Тогда я пошла лишь потому, что действительно была фанаткой истории, даже не подозревая, кто сядет со мной за один стол.

Стоит честно признаться, что с Лёшей мы были знакомы неприлично давно. Ещё когда мне было лет восемь, моя семья поселилась напротив квартиры Зайцевых. Соседи оказались очень милыми и дружелюбными людьми, с которыми мои родители сразу нашли общие интересы. Они так сильно сдружились, что одно время мы каждый вечер ходили друг к другу в гости.

Пока я была маленькой, мы с Лёшей общались постоянно: смотрели мультики, гоняли на великах, даже пару раз ходили в кино, когда стали постарше. Но по мере взросления мы всё реже обращали друг на друга внимание. В конечном итоге всё наше общение свелось к вежливым улыбкам и «привет».

Оказавшись в одной команде, мы открыли друг в друге новые черты. В тот день главный приз мы так и не выиграли, зато отправились гулять, ещё долго обсуждая любимые романы.

В общем, трилогия о драконах стала началом наших странных отношений. Мне безумно нравилось, как Лёша мог часами строить теории, чем всё-таки может закончиться известная история. Я прежде никогда не видела, чтобы кто-то из моих знакомых был так сильно увлечён

чем-либо: его тёмно-зелёные глаза светились, а лицо озаряла милая улыбка. Я стала завидовать «Повелителю драконов», ведь ненароком захотела, чтобы он так же любил и меня. Своего я добилась.

— Может, и чокнулись, но полезно иногда быть чем-то одержимым, — с улыбкой сказала я.

Алина лишь посмеялась надо мной.

— Столько лет тебя знаю, Аври, но никогда бы не подумала, что из-за тебя буду отмечать Новый год с Зайцевым, — сказала подруга, с улыбкой принимая чашку капучино, богато посыпанного корицей, и тарелку с единственным большим круассаном, покрытым сахарной пудрой.

Мне же на стол поставили большую кружку горячего шоколада с облаком из взбитых сливок и розовым маршмеллоу. А также тарелку имбирного печенья в виде еловых веточек, украшенных белым шоколадом.

— Что-то между вами явно было, — заметила я, прикладывая ладони к горячей кружке.

— Ты просто не знаешь, каким он был до встречи с тобой. Слухи разные ходили, — проговорила она, достав из сумки смартфон, чтобы сфотографировать кофе и круассан, но, немного задумавшись, взяла у меня тарелку с печеньем, чтобы дополнить композицию.

— Как ты их ешь? Они же противные. Со вкусом, подруга, у тебя проблемы, — проговорила Алина, тем не менее делая снимок.

— Про Лёшу были только слухи без подтверждений. А ты лучше бы сначала попробовала, прежде чем критиковать, — сказала я, отняв у неё тарелку.

— Не слухи, и ты сама знаешь об этом. Ему с тобой повезло больше, чем тебе с ним. А ты тащишься в такую погоду, чтобы достать книгу, которую он и сам в состоянии себе купить.

— И ты всё равно поехала со мной, — подметила я.

— Аври, я же твоя лучшая подруга! Разве я позволю тебе сгинуть в снегу в одиночку? — усмехнувшись, сказала девушка, размахивая смартфоном. — Лучше скажи, как у тебя дела с подготовкой к экзаменам?

Алина была старше меня на три года и сейчас уже училась на третьем курсе кафедры культуры и искусства по специальности «дизайн». Талантов у неё было много, хоть отбавляй. Пару лет назад на спор со своей одноклассницей закончила курсы парикмахера, а потом ещё всё лето училась делать грим, чтобы выиграть конкурс на лучший образ внутри своего университета. Конкурс Лина выиграла, но свои дополнительные занятия забросила.

Но был у неё ещё один удивительный талант — лезть во всё, что её напрямую не касалось. И теперь, попивая кофе, подруга смотрела на меня в ожидании, что я скажу по поводу участия в конкурсе талантов, который пройдёт в конце учебного года. Подготовка к экзаменам — это скорее предлог, и мы обе это знали.

Объясню! Едва мне исполнилось пять лет, на день рождения мне подарили игрушечное пианино с книжкой, где в игровой форме предлагалось сыграть самые простые детские песни. Вместо нот на белоснежных клавишах были нарисованы вишенки, звёзды, сердечки. Весёлый лев, улыбаясь со страниц, показывал последовательность, в которой я должна была на них нажимать. Игра мне безумно понравилась: уже через пару месяцев я не просто исполняла песенки по книжке, но выучила их, а через полгода выступала на утреннике в садике.

Музыкальный педагог предложил родителям развивать мой слух дальше, уверенный, что я обладаю редким талантом. Что ж, они её послушали. И, в отличие от других детей, с восьми лет я посещала сразу две школы: обычную и музыкальную. За годы занятий мой слух стал острее, а увлечённость музыкой — сильнее.

Сейчас родители настаивали, чтобы я поступала в консерваторию в Санкт-Петербурге, и с этим было много проблем. Для начала требовалось поступить в неё, учитывая, что это учебное заведение обладает огромной популярностью среди людей, грезящих мечтой связать свою жизнь с искусством.

Всего годом ранее я просматривала списки и удивилась, как много человек подало заявления на поступление. На одно место претендовали десятки — от этой цифры у меня скребло под ложечкой. Было мало просто безусловно сдать ЕГЭ: требовалось выделиться на олимпиадах, музыкальных конкурсах, концертах.

Да и, что говорить, не только я в этой стране обладала способностями к музыке. Но, в отличие от других ребят, я жила в городке, где проявить себя было очень трудно. Все эти люди, чьи имена значились среди абитуриентов, могли заниматься с учителями гораздо сильнее тех, что обучали меня в Лесном.

Позади уже были десятки конкурсов, где я занимала призовые места. Участие в городских мероприятиях, благодарственные письма, награды — но всё это казалось мелочью. По-настоящему выделиться выпал шанс только в этом году, когда у нас объявили о крупном конкурсе среди школьников. Победитель мог претендовать на участие во Всероссийском этапе, а впоследствии — быть зачисленным в любой вуз по тематическому направлению без сдачи экзаменов.

В школе в мой успех не особо верили, требуя от меня более практичных предметов для сдачи ЕГЭ. Да и когда я подавала заявку на участие, директор долгое время противилась, уверенная, что есть и более талантливые дети, готовые представить лицей. И вот, спустя долгие уговоры, мне удалось выбить себе место.

— Ты ведь про молодые таланты спросить хочешь?

— Ну вот! Сэкономим время. Взяли? — улыбнувшись, спросила подруга.

— Взяли.

— Это надо будет отметить!

— Отметим, если мне повезёт пройти хотя бы региональный этап.

— Ты зря переживаешь. Я не слышала никого, у кого был бы такой прекрасный голос.

Только она и Лёша знали, насколько в действительности мне было тяжело. Ко всему прочему, я подвергалась жутким издёвкам со стороны одноклассников. Причиной была гетерохромия, которая делала меня похожей на бракованную куклу: один мой глаз был ярко-голубым, другой — почти тёмно-зелёным. Меня называли безумной только из-за взгляда, который давала эта особенность.

Я много раз уговаривала родителей купить мне цветные линзы, чтобы выровнять цвет, но, к сожалению, хоть мы и не были бедными, покупка линз была для нашей семьи лишней затратой.

Со временем я разучилась смотреть людям в глаза. И часто, когда находилась напротив собеседника, находила что-то интересное на полу... Или в своей чашке.

— В этом городе сложно раскрыть свои таланты, — сказала я, размешивая шоколад.

— Тут ты права. Из этой дыры надо выбираться, и как можно скорее. Кстати, что на этот счёт думает Лёша?

— Говорил, что попробует поступить куда-нибудь поближе ко мне. Но, между нами, слабо верю. Да и он на учёбу ставок не делает. У него явно какой-то свой план. И со мной Лёша делиться не собирается.

— Кирилл говорит, что он уже работает — монтирует ролики для их научного центра. Надо бы с ними поболтать. Мальчишки явно что-то удумали, — задумчиво сказала подруга, а потом замерла, смотря мне за спину.

Обернувшись, я сразу поняла, в чём дело. Мы объездили весь город, чтобы найти «идеальное платье» для празднования Нового года. Зачем оно ей понадобилось, сказать трудно, ведь отмечать мы планировали вчетвером у Лёши дома.

И вот, стеклянный манекен, позируя нам, демонстрировал то самое «идеальное платье»: кроваво-красное, с аккуратным декольте, рукавом «колокол» и пышным подолом, драпиро-

ванном фатином. И конечно — длина миди, куда же без неё? Всё, как по заказу моей подруги. И прямо в павильоне напротив кофейни, где мы сидели.

— Пойдём, — сказала она, доставая деньги, чтобы расплатиться за кофе.

В отличие от Алины, привлекло меня далеко не платье, а то, что по идее должно было быть лишь скромным дополнением к нему: маленькая позолоченная подвеска в форме солнца, лучи которого были инкрустированы рубинами и янтарём. Вроде бы ничего такого — обычное кольцо с плавными лучиками, под манер славянских символов, — но что-то в этом было завораживающее, пугающее, мрачное.

Я посмотрела, во что был одет соседний манекен: обычный тёмно-синий костюм-тройка — пиджак, жилет и штаны. Но на руке виднелся тяжёлый браслет: дракон, кусающий себя за хвост, а на шее — клык с резным рисунком. Из кофейни рассмотреть его было невозможно, но я была уверена, что сам клык имел гораздо большую стоимость, чем выставленный костюм.

Мы быстро расплатились с официанткой за заказ, забрали вещи и зашли в соседний павильон.

Внутри как-то странно пахло расплавленным воском и травами. Возле вешалок красовались высокие вазоны с сухими цветами и колосьями.

Пока Алина крутилась около «идеального платья», я решила осмотреться. Почти сразу поняла, что красивые вещи были представлены только на манекенах. На остальное смотреть было жалко: протёртые штаны разных немислимых размеров, поношенные растянутые свитера, рубашки с застиранными пятнами. Но каждая из этих вещей была снабжена необычными аксессуарами: камнями, запонками, подвесками, браслетами — всё смотрелось более ценным, чем тряпьё.

Посетителей было мало, но те, что были, пугали. Две девушки, рассматривающие отвратительную лиловую кофточку, в которой легко бы поместились вдвоём, не переставая, косились на нас с Алиной, отчего по коже побежали мурашки.

Заметив мой взгляд, они хихикнули, взяли «лиловый мешок» и отправились в примерочную. Через некоторое время покупательницы уже расплачивались с кассиром. Но за что? За уродливую вытянутую кофту? Верилось с трудом.

— Мне не очень здесь нравится, — призналась я, когда Алина стала пытаться снять платье с манекена.

— Да ладно тебе. Обычный секонд.

— Мне кажется, здесь продают вовсе не вещи, — тихо сообщила я подруге, но она лишь усмехнулась.

Пока Алина снимала с манекена платье, всё это время на нас смотрел старик, стоящий у кассы. Ничего вроде бы особенного: низкий, чуть сгорбленный, с недлинной, но седой и запутанной бородой, в очках с позолоченной оправой. Только вот взгляд был странным, особенно в сопровождении с ухмылкой.

— Вот тебе и обслуживание! Даже не предложил помощи, — проговорила Алина, взяв платье и отправившись в сторону единственной примерочной.

«Мне кажется, он был бы рад, если бы мы ушли», — подумала я, подойдя к кассе.

За прозрачной витриной был набор всяких удивительных предметов: браслеты из цветных минералов, подвески в форме животных, различные бусы и часы.

— Вас интересует что-то конкретное? — спросил старик, противно улыбнувшись.

— Я просто жду, пока подруга померит платье.

— Да, конечно, платье.

На странное поведение старика я старалась не обращать внимания, решив вместо этого подобрать подарок для Алины, пока её не было рядом. Но, рассматривая безделушки, я увидела шарф. В нём не было ничего необычного. Шарф как шарф: тёмно-зелёного цвета, с крупной вязкой, упакованный в чёрную коробку без этикеток. Ничего такого, но он показался мне

главным сокровищем этого странного магазина. И я знала, кому именно он должен принадлежать.

Мысли в голове путались, стараясь собраться в одно целое. Логика подсказывала — подарок для Лёши у меня уже есть, а вот нутро говорило — бери, а то пожалеешь.

— Сколько стоит шарф? — спросила я, уже залезая в рюкзак.

Какое-то время старик изучал меня, кажется не готовый расстаться с вещью. Я уже почувствовала, что сейчас он спрячет шарф от меня. Это заставило занервничать, но после пристального изучения продавец сказал:

— На некоторые вещи мои покупатели сами назначают цену, — проговорил он, ожидая, видимо, какой-то особой реакции на эти слова.

Но её от меня не последовало. Словно услышав зашифрованное послание, я поняла, сколько надо было заплатить. Достала из кошелька остатки своих карманных денег и протянула треть из них. После чего, задумавшись, увидела рубиновый браслет и протянула все деньги.

Продавец достал чёрную коробку с шарфом, а следом за ней — упаковку с рубиновым браслетом и небольшой кулон в виде китайской монеты.

— Вам понадобится три подарка, ведь так?

— Так, — согласилась я, забирая покупки.

— Приходите ещё, — сказал старик, улыбнувшись.

Едва я спрятала покупки в рюкзак, вышла Алина, явно довольная своим выбором. Гордо подняв подбородок, она выложила платье на прилавок и спросила цену. В этот раз кассир не стал чудить и назвал конкретную стоимость, подмигнув мне. А я, словно замороженная, так и стояла с рюкзаком в руках.

Глава II

Беглянка возвращается

Сейчас я задам внезапный вопрос. Только не пугайтесь. Вы когда-нибудь думали о том, что умрёте? Я не узнаю ответ, но скажу свой: нет! Мне было всего восемнадцать лет, и для меня жизнь казалась бесконечно долгой, а смерть — далёкой.

Как и все молодые люди, в тот период я думал лишь о трёх вещах: куда мне поступить, как понравиться своей девушке ещё больше и когда наконец выйдет продолжение любимой книги. (Третье можете заменить на сериалы или игры. Роли не играет.)

Если бы что-то и правда заставило меня задуматься о смерти, стал бы я бояться? Не знаю. Да, наверное. Чего скрывать? Это вполне естественно. Если бы я поверил, что мне суждено умереть молодым, я бы заперся дома на все затворы, заколотил окна досками, предварительно выкинув в них все опасные предметы, запасся любимой едой, чаем и книгами. И не верьте мне, что поступили бы иначе: смерти бояться все!

Но, как я уже говорил... Точнее писал, — я никогда всерьёз не задумывался о смерти. И слыша в наушниках крик «Убей его!», лишь интенсивнее жал на кнопки клавиатуры и мыши.

Последовало пару нецензурных выражений... (А здесь можно материться? Нет? Ну ладно.) В любом случае они означали мою смерть... в виртуальном мире!

— Путь в киберспорт для тебя закрыт, — уверил меня Кирилл.

— Я почти не спал, что ты от меня хочешь? — проговорил я, сворачивая окно игры, чтобы посмотреть процесс конвертирования видео.

Загрузка в программе уверяла меня, что экспортирование закончится только через пятнадцать минут. Я закрыл глаза, откинувшись на спинку кресла, позволяя им хоть немного отдохнуть от экрана.

— Ролик мог подождать и до конца праздников. Я не настаивал, чтобы ты сделал его в предновогоднюю ночь, — проговорил мой друг. — Мне как-то неловко, что ли.

— Мог. Мне не спалось. Решил добить все долги в этом году. Не хочу все праздники потратить на монтаж. Мне ещё домашку делать, если я и правда хочу поступить в престижный вуз.

— Так странно слышать от тебя о домашке. Даже не верится, что ты решил взяться за учёбу, — усмехнулся Кирилл.

— Я бы рад закинуть всё в дальний ящик, но выпускной год... Если я хочу добиться хоть чего-то на итоговых экзаменах, придётся подтянуть хвосты.

— Сказал бы ты мне это год назад — я бы решил, что ты заболел. Аврора хорошо на тебя повлияла, — проговорил собеседник. — Теперь ты пай-мальчик?

— Не волнуйся. На твой титул «А-ля золотой выпускник» я не претендую. От речи Бубнилки (кличка классного руководителя Кирилла, по совместительству моя учительница по физике) я даже чуть не всплакнул. Платочка рядом не оказалось. «Будущее нашей ядерной промышленности в руках таких замечательных и талантливых мальчиков», — процитировал речь.

— Ха-ха, смешно. Что скажут на твоём выпускном? «Спасибо, что закончил школу»?

— Туше. Кстати... Ты уверен, что твои преподаватели сдержат слово? И... мне правда нужно, чтобы за меня замолвили словечко. А ещё... — я немного потянул, прежде чем спросить, но всё-таки решился. — Они не могли бы заплатить за следующий месяц авансом?

— Если ты сам хорошо сдашь экзамены, то тебе помогут с поступлением. Я же обещал. А вот насчёт оплаты не хочу тебя огорчать, но до февраля придётся потерпеть. Тебе уже начислили заранее за январь.

— Отстой. Я уже потратил большую часть, — усмехнулся я, потянувшись. — А ведь я иду вперёд графика. Может, намекнёшь начальникам?

— Они за каждую грантовую копейку отчитываются. Прости, я тут бессилён. Если ты спустил почти всю зарплату, то придётся тебе поумерить аппетит. На что ты вообще мог потратиться? Тебя ж дома кормят? Или мне принести борща?

— Не волнуйся, кушаю хорошо. Это всё предновогодняя суета. Нужно было позаботиться о продуктах, подарках и прочей чешуе. И вообще, в следующем году идём к вам. Праздновать у предков под крылом — это...

— Это что? Ты чего затих? — спросил Кирилл.

Но к тому моменту я потерял нить нашего бессмысленного разговора. В этот момент я смотрел только на слово «Привет» в непросмотренных сообщениях.

Раньше у меня было много друзей, но среди них не было ни одного настоящего. Всего год назад я пересмотрел свой круг общения, оставив в нём всего троих человек: Аврору, Кирилла и его девушку Алину. С тех пор мне мало кто писал в соцсетях.

Мои родители предпочитали общаться по старинке — звонками. Поэтому любое уведомление вызывало у меня интерес. Я ожидал чего угодно: сообщения от Аври, мемов от Кирилла, да даже каких-то сухих примечаний от Алины. Но точно не это «Привет»... от моей сестры.

Сашу я не видел уже десять лет. Сестра была «ангелочком». Разве что крыльев за спиной и нимба над головой не хватало. Мне постоянно ставили её в пример: «Твоя сестра закончила год без единой четвёрки», «Сашенька получила диплом за лучшую творческую работу», «Послушай, как она играет на скрипке» — и всё в таком духе. Она строила планы поступить в МГУ, а потом — «бац!» — и её как будто подменили.

Началось всё с кошмаров.

В какой-то момент Саша стала каждую ночь вскакивать с криками, так что мне пришлось спать в наушниках, чтобы хоть немного выспаться. Частенько сестра забегала ко мне в комнату, брала в охапку и душила в объятиях, неся какую-то чушь о том, что меня убьёт женщина. На какое-то время я заразился её безумием, видя в ночных кошмарах незнакомок с обнажённым ножом. В одном из таких снов в качестве убийцы была соседка Светлана — мама Аври.

Поэтому Сашеньку на ночь стали запирают в её комнате. Наутро сестра брала себя в руки, становясь самой обычной девочкой. Но проблема становилась острее с каждым днём.

Родители начали водить её к психологам и целителям (а вдруг!), но всё оказалось бесполезным. А спустя пару месяцев я заметил, что Сашка начала увлекаться весьма странными вещами.

Как-то я зашёл к сестрёнке в комнату без стука и увидел, как она сидела на полу в окружении разнообразных свечей: от ароматических до обсидианово-чёрных. Прямо перед ней лежала старинная книга, а сама она пересыпала какую-то зелёную смесь из банки в тарелочку. Конечно, она меня сразу же выгнала, но родителям я так и не сказал.

Через несколько дней сестрёнка снова начала вести себя как обычно: улыбалась, говорила о планах на будущее, предложила поиграть в настолки. Не знаю, что именно происходило с ней на самом деле, но той же ночью Саша встала, собрала вещи и ушла, даже не попрощавшись.

Родители пытались её искать: подали заявление в полицию, подняли всех волонтёров. Но их дочь просто позвонила, и как ни в чём не бывало и сказала, что у неё новая жизнь. Кстати, сестрёнке было всего шестнадцать лет.

Не то чтобы мы совсем не контактировали с тех пор. Она поздравляла меня с праздниками, иногда спрашивала, как я живу (будто ей действительно было до этого дело), бывало

пыталась заводить диалог, но из этого ничего не получалось. Честно признаюсь: каждый раз после такого общения я чувствовал себя паршиво.

- Ты где там? — взволнованно спросил Кирилл.
- Сестра объявилась. Отвлёкся.
- Ты её ещё не заблокировал?
- Неудобно как-то... Родственники всё-таки.
- Ладно. Мне надо помочь Лине. Справишься без меня?
- Я похож на травмированного мальчика? Если да, скажи — я стану попроще.
- Пока. Домонтируешь — кинь глянуть. Интересно всё-таки.
- Ок.

Мой друг всегда чувствовал, когда я не в настроении продолжать разговор. В этот раз он тактично решил уйти, чтобы дать мне пережить очередное разочарование от общения с сестрой. Хотя мог бы и вспомнить, что Аври живёт по соседству. Я прекрасно знал, что Алина сейчас у неё.

«Привет. С наступающими праздниками, беглянка!» — написал я Саше, не ожидая, что она ответит сразу.

«С наступающими. Как родители?»

«Всё ещё избегают произносить твоё имя. Могла бы и позвонить им для приличия. Может, тогда бы они смягчились».

«Чувствую холодок от тебя. Дуешься?»

«Не понимаю, что тебе надо?» — прямо написал я, решив завершить диалог.

«Встретишь меня у подъезда? Боюсь заходить одна. Вдруг тапки полетят».

«Шутка?»

«Выгляни в окно».

Если раньше от общения с Сашей мне было просто паршиво, то от этой новости добавилось тревожное чувство приближающейся беды. Я никогда не думал, что сестра может просто взять и вернуться. Родители очень тяжело переживали её отъезд: мама плакала по ночам, а отец злился всякий раз, когда кто-то случайно произносил её имя.

Это было непросто, особенно учитывая, что моего репетитора по английскому звали Александра Марковна. Она была отличной учительницей, но её уволили только из-за того, что каждый раз, когда я говорил о ней (например, когда мне были нужны деньги для оплаты занятий), это приводило к неловкому молчанию.

А сейчас, в тот день, когда мама, напевая себе что-то под нос, готовила новогоднюю курицу на кухне, а отец пытался приклеить к потолку отвалившуюся гирлянду, Сашка вдруг решила вернуться.

Хохмы ради — расскажу. История с гирляндой началась ещё с самого утра. Отец всё ходил из угла в угол, выискивая что-то, будто у нас в квартире спрятан клад. И тут ему вздумалось поправить гирлянду, которая проходила по кругу всю комнату на углу между стеной и потолком. Та не потерпела такого кощунства и начала отклеиваться сантиметр за сантиметром, пока все её десять метров не оказались на полу.

Я предложил свою помощь (всё-таки вешали мы её вдвоём), но меня отослали в свою комнату. И тогда у меня закрались подозрения, что это лишь предлог встретиться пораньше с нашим соседом — Константином, отцом моей девушки. Мама, хоть я более чем уверен, не повелась на эту историю, лишь махнула рукой и ушла на кухню.

И теперь в любой момент в квартиру мог войти наш сосед, который запросто мог стать свидетелем страшной сцены «примирения» моих родителей и сестры-беглянки. Это прибавило мне переживаний.

Тяжело вздохнув, я выглянул в окно и увидел копну пушистых рыжих волос. Даже не сразу понял, что они принадлежали моей сестре. Девушка, весьма высокая, в дорогом на вид

сером пальто и пушистой шапке в тон, держала в руках противно-розовый чемодан. Увидев меня, Саша замахала рукой, улыбаясь так, будто не было десяти лет её отсутствия.

— Вот дьявол! — проговорил я, закрыв окно.

В душе стало ещё гаже, чем прежде. Нужно было как-то подготовить родителей.

Я вышел из комнаты в зал, надеясь не столкнуться с отцом своей девушки. Мой папа по-прежнему валял дурака, очень неумело изображая, будто гирлянда никак не крепилась к стене. В другой ситуации я бы пристал к нему с вопросами, чтобы понять, что именно они задумали. Не хотелось краснеть перед друзьями вечером, если эти двое вдруг решат вырядиться в Дедов Морозов, чтобы распевать частушки под балалайку.

Мама уже прихорашивалась у зеркала. Всё её внимание было поглощено внешним видом. Серо-голубые глаза она подчеркнула тушью и подводкой, наредила губы светло-розовой помадой и теперь безуспешно пыталась уложить светлые волосы, которые ну никак не хотели завиваться в локоны.

— Рановато как-то, — заметил я.

— На кухне уже почти всё готово. Было настроение. А ты почему ещё не переоделся? Или собираешься весь день в пижаме проходить? Что? Что-то случилось?

Я не знал, как завязать разговор, чтобы смягчить удар. Времени почти не оставалось — сестра стояла на улице, боясь позвонить в домофон. Я не мог просто выйти к ней и привести домой как ни в чём не бывало. Да и придумывать предлоги не умел.

— Саша вернулась...

Какое-то время мама просто смотрела на меня как на полоумного: не улыбалась, не злилась, но взгляд её был такой, будто я произнёс что-то запретное.

— Я не хочу больше слышать от тебя такой чуши! — возмутилась она, слишком резко дёрнув плейкой. Несколько флаконов с косметической полки посыпались на пол. — Это ужасная, отвратительная шутка!

— Я не шучу. Она боится заходить домой, — повторил я.

И будто в подтверждение моих слов зазвонил домофон. Мне захотелось как можно скорее скрыться из дома.

— Милая, я открою. Это, наверное, Костя опять ключи забыл, — сказал отец.

— Миша, не стоит! — слишком громко воскликнула мама, но, видимо, было уже поздно.

Трубку отец не взял, зато открыл дверь и весело зашагал в сторону зала. Он явно напевал под нос одну из своих частушек. От мысли, что представление с Дедами Морозами всё-таки не избежать, я почувствовал, как у меня покраснели уши.

В прошлом году я отмечал Новый год только с Кириллом, и частушки показались ему настолько забавными, что он подтрунивал надо мной ещё полгода. В этот раз я праздновал с Авророй, и уровень неловкости возрастал вдвое.

Едва я успел поразмыслить над сюрпризом, который готовили наши отцы, как дверь открылась. В комнату сначала вкатился огромный розовый потёртый чемодан, а следом на высоких каблуках прошагала рыжеволосая девушка.

Честно говоря, я её не узнал. От девчонки с кривыми клыками и двумя светлыми косичками не осталось и следа. Теперь она была настоящей женщиной: длинные рыжие волосы спускались почти до пояса, зелёные глаза, подведённые почти как у матери, ярко-алая помада выделяла острый уголок верхней губы.

— Сюрприз! — неуверенно произнесла она.

Понимая, к чему всё идёт, попятился к своей комнате.

Мама некоторое время молча смотрела на дочь, похоже, тоже не узнав её. Услышав совершенно незнакомый женский голос, в коридор вышел и отец. Мы словно попали в какую-то несмешную пантомиму.

— Да уж, сюрприз, — первым нарушил молчание папа.

Мама нервничала. Она смотрела в сторону Саши, видимо, решая: прибить или обнять. Выбор пал на первое. В сестру полетели предметы с косметической полки.

— Какого чёрта?! Где тебя носило?! Десять лет! Десять лет ни приветов, ни ответов! И ты заявляешься и говоришь «сюрприз»?!

— Я и не ожидала тёплой встречи, но... У меня были причины! Дайте мне всё объяснить!

— Причины уйти из дома и не возвращаться?!

— Но я же вернулась!

Когда я уходил в свою комнату, отец всё ещё стоял и смотрел на дочь, словно не веря своим глазам. Я понятия не имел, что происходило в головах моих родителей, и уж тем более мне было трудно понять сестру. Зато я точно знал: эта ссора совершенно не вписывалась в мои планы.

Что я думал о возвращении сестры? Не знаю. Чувства были размытыми, неясными.

Где-то я слышал, что тело человека полностью обновляется за семь лет: одни клетки сменяют другие, пока от прежних ничего не остаётся. Прошло уже десять лет — и я, по меньшей мере, три года как стал другим человеком. Я совершенно не знал эту девушку. Мне было безразлично, где она пропадала: свою детскую обиду на неё я пережил давно. Если Саша нас бросила, нечего было ждать улыбок и объятий при возвращении.

Ссора продолжалась, но я не вникал в её суть. Надел наушники и принялся пересматривать ролик, смонтированный за ночь. Я прокручивал его раз десять, прежде чем экспортировать, но пересмотреть ещё раз всё-таки надо было. Это стало своего рода традицией: взглянуть на итоговый вариант со всеми анимациями и правками.

Передо мной вновь возникло худощавое лицо, от которого я, честно говоря, за ночь сильно устал. Как и обычно, в кадре он появился в своих квадратных очках, закрывавших серо-голубые глаза. Так он выглядел старше, чем был на самом деле — лет на тридцать. Но гораздо хуже — очки бликовали.

Я потратил кучу времени, чтобы исправить этот недостаток, но так и не смог убрать его полностью. А во время съёмок мои уговоры снять треклятые очки на друга не подействовали. Он, видите ли, хотел выглядеть максимально убедительно, как настоящий учёный.

Не меньшее раздражение у меня вызвала светло-зелёная клетчатая рубашка, которая каким-то боком идеально совпадала по тональности с хромакеем. Знал бы Кирилл, что я о нём думал, вряд ли так легко согласился помочь мне с подработкой.

— Всем привет! Не буду тянуть. Нас ожидает необычное приключение. По просьбе многих зрителей канала «Наука на простом» сегодня наш выпуск посвящается не сложным физическим формулам, а удивительным мысленным экспериментам, философским размышлениям и немного фантастике.

Да-да, сегодня мы поговорим о теории «квантового бессмертия». Узнаем, почему вы никогда не погибнете в автокатастрофе, как фотоны могут поменять представление о Вселенной, где прячется ваш близнец — и причём тут коты? — начал онлайн-лекцию друг, находясь в аудитории своего университета.

Пока Кирилл вещал с экрана о коте Шрёдингера, я начал собираться. Подозревал, что сам могу оказаться одновременно живым и мёртвым, если крики с кухни не прекратятся, а я немного не посплю перед бессонной ночью. На секунду мне даже стало жалко сестру, но потом я вновь вспомнил долгие переживания, накрывшие нашу семью в день её пропажи.

«Эй, привет! У вас там всё нормально?» — написала Аврора.

«Смотря что считать нормальным. Не обращай внимания. Саша вернулась».

«Серьёзно?»

«Да».

«Го ко мне? Мы с Алиной печём пряники. Лишние руки не мешают».

«Звучит заманчиво. Но, наверное, тут я нужнее».

На самом деле я задумался. Уйти хотелось, и как можно скорее, но что-то не позволило мне оставить родителей и сестру наедине друг с другом. Не знаю почему, но, хотя в ссоре я предпочёл не участвовать, хотелось быть поблизости. Мало ли.

— Получается, кот в коробке остаётся и жив, и мёртв до тех пор, пока вы не откроете крышку, — продолжал Кирилл. На экране уже шла шуточная анимация с чёрно-белым котиком.

«Я не настаиваю. Если нужна помощь, я бы хотела быть рядом».

«Не переживай. Помощь нужна только Саше».

«С чего она вообще решила вернуться?»

«Знать бы самому».

«Как думаешь, это помешает нашим вечерним планам?»

«Думаю, нет. Разве что Саше негде будет переночевать. Родители в любом случае будут у вас, а сестрёнка, похоже, окажется с нами».

«Да уж...»

«Не переживай. Может, всё наладится».

Аври больше ничего не написала, а я застыл, всматриваясь в готовый ролик.

— И тут самое интересное. В 1957 году Хью Эверетт предложил миру многомировую интерпретацию. Она предполагает, что наша Вселенная — не единственная, и каждое квантовое событие порождает новую её версию. Так какое нам, крупным существам, до этого дело?

Теперь представьте: вы в машине — и вдруг «бам», происходит авария. Как только автомобиль врежется, допустим, в дерево, Вселенная делится: в одной реальности вы погибаете, а в другой — остаётесь живы. Это вовсе не гарантирует вашей целостности, но, тем не менее, если в одной из Вселенных вы умерли, вы никогда об этом не узнаете! Ваше сознание всегда будет находиться в той, где вы выжили. Сложно представить?

Хью Эверетт предлагал и иной мысленный эксперимент, чем-то схожий с коробкой и котом Шрёдингера... — продолжал Кирилл.

«Что за чушь?» — подумал я, сняв наушники на моменте очередного объяснения. За ночь я слышал о коте и «квантовом бессмертии» не меньше десяти раз, но мой мозг отказывался воспринимать информацию о возможных альтернативных реальностях, отличавшихся от наших мелочами. Это было слишком утопично, сложно. В этой теории было много прорех. Например, если мы правда не можем погибнуть от случайностей в нашей реальности, то что происходит с теми, кто умер от старости?

Насколько я знал, именно по этой причине Кирилл изначально вообще не хотел брать эту тему, но появившиеся подписчики настаивали на объяснении теории, которая вдруг стала популярной из-за какого-то нового романтического научно-фантастического фильма, рассчитанного на сопливых девчонок.

И вдруг, вынырнув из своих размышлений, я понял: было тихо. Никто не ругался. Не поставив ролик на паузу, встал и вышел в гостиную. Все трое сидели молча, не зная, как быть. Момент получился более чем неловким.

— Я никого не хотела расстраивать, — наконец прервала молчание Саша. — Но мне необходимо было уехать. Я, как вы и хотели, окончила обучение. Получила красный диплом. Просто... вы же знаете, где я была.

— Не диплом нам от тебя был нужен! — проговорил отец.

— Я бы очень хотела всё объяснить, но не могу. Могу лишь попросить прощения за то, что уехала именно так. Я была слишком маленькой, чтобы думать головой, а не эмоциями. Я понимаю, что расстроила вас. Но вот она я — здесь, — проговорила сестра, разведя руками. — Я больше не уеду. Понимаю, что вам нужна дистанция. Мне нужна лишь одна ночь — место, где я могла бы остановиться. Женщина, у которой я снимаю квартиру, согласилась заселить меня только с завтрашнего дня. Завтра я уйду.

— Милая, ну не выгонять же её в канун праздника, — сжалился отец.

— Хорошо, — согласилась мама, посмотрев на дочь. — Лёш, ты не против, если она будет с вами?

— Э-м-м...

— Ну же, братик, решайся, — с улыбкой сказала Саша.

Было ли это в моих планах? Нет. Мог ли я отказать? Снова нет — она всё-таки моя сестра. Куда бы мы её выгнали? Отмечать Новый год на улице? Да и у родителей Авроры ей делать было нечего.

Ей нужно было дать остыть маме и папе, а я не так сильно на неё злился. Мне было всего восемь лет, когда я видел её в последний раз. Она не умерла, не пропала из моей жизни, не прекращала попыток общаться. Скорее, это я от неё дистанцировался.

Тогда я и подумать не мог, что её возвращение неслучайно. Но я искренне был ему рад!

— Хорошо, я познакомлю тебя с моими друзьями, — сказал я сестре.

Глава III

Новогоднее предсказание

Известие о возвращении Саши встретило нас, как гром в ясный день. Родители старались делать вид, будто это никак нас не касалось, но ведь это было ложью. Они были очень близкими друзьями, и когда в одну из ночей дочь Зайцевых исчезла, именно моя мама первая пошла утешать их, захватив с собой миску с шоколадными кексами и маленький чайник с травяным чаем. Она всегда считала: еда — лучшее лекарство от душевных травм.

Едва за стенкой послышались удары бьющейся посуды, мама на некоторое время замерла, прекратив предновогодние приготовления. Отец тоже перестал заниматься лепкой пельменей, вслушиваясь в скандал.

Некоторое время мы просто ждали, вслушиваясь в крики и обвинения. Потом мама встала из-за стола, подошла к телевизору и включила один из музыкальных каналов, прибавив звук на полную мощность.

— Это их дело. Нечего подслушивать! — заявила она, хотя сама была весьма встревожена.

Я не стала отвечать. Лишь взяла всё необходимое для лепки печенек в охапку и вместе с Алиной, которая всячески намекала мне, что ничего не понимает, отправилась к себе в комнату.

Там не было слышно соседей, а главное — я могла без труда рассказать своей лучшей подруге, что именно происходило. По крайней мере, ту часть, которую знала сама.

Когда мы были ещё маленькими, сестра Лёши часто проводила с нами много времени: учила играть в «Монополию», придумывала страшные истории, из-за которых я частенько плохо спала, да и просто была замечательной подругой. Её отъезд я восприняла как личное предательство. С другой стороны, что вообще может значить обида первоклассницы для подростка?

Услышав мою историю, Алина некоторое время молчала, перемешивая руками рыхлое бежевое тесто, пахнущее ванилином и корицей. Словно сделав в голове какой-то вывод, она бросила липкий ком на импровизированный стол, состоящий из двух табуреток и доски, взяла скалку и спросила:

— И значит, она вернулась?

— Да. Она сейчас у них дома. И, кажется, ей негде ночевать, поэтому она будет с нами.

— То есть вот прям вообще негде ночевать? — расстроено переспросила подруга.

— Да, вообще. Лёша и сам не особо рад её внезапному возвращению, но куда деваться?

— И она никого не предупредила, что приедет?

— Не-а. Думаешь, мы стали бы тогда собираться у Лёши?

— Какая она вообще? — разочарованно спросила Алина, пройдясь скалкой по тесту, превратив его в тонкое ароматное податливое покрывало.

Мы взялись за формочки, начав вырезать заготовки для будущих лакомств.

— Не знаю. Но когда мы общались, казалась классной. Только я тогда ещё в первый класс ходила.

— Я даже не знала, что у него есть сестра... Кошмар!

— Никто, кроме меня и Кириллы, не знал, — честно сказала я, натянуто улыбнувшись.

В голове я прокручивала один-единственный неприятный факт — будь воля Лёши, о его сестре и я бы ничего не знала. Хотя мы с ним были очень близки, знали друг друга с самого детства, за всё время о Саше я слышала лишь пару коротких упоминаний.

При этом, что меня сильно задевало, именно Кирилл знал о ней всё и всегда. Видимо, его лучший друг занимал в жизни большее место, чем я. А может, все парни так устроены и не любят показывать девушкам свои слабости? Не знаю.

Предновогодняя суэта быстро выбила мрачные размышления из наших голов. Если первый час я ещё переживала и думала заглянуть к соседям, то потом мы с Алиной, просматривая старые советские фильмы, готовили закуски, пели песни и нарезали салаты.

Ближе к вечеру отец всё-таки не выдержал и отправился к соседям, прихватив с собой «инструменты» — якобы починить плиту или упавшую полку. По-моему, он и сам не до конца знал, что именно сломалось у друзей.

Мама лишь кивнула, продолжая наводить предновогодний уют: накрывала на стол, расставляла ветки ели в маленькие вазочки, нарезала апельсины и мандарины — для приятного аромата.

Резко мне захотелось остаться дома, забыв про шумное веселье с друзьями, светомузыку и фильмы.

На минуту я даже представила: вот мы сидим все за общим столом, рассказываем разные истории из детства — о наивной вере в чудеса, о Дедушке Морозе, который каждый год забирался ко мне через балкон.

Очередной раз моя мама и Виолетта Семёновна (наша соседка) вспоминают, как познакомились и вместе выбирали обои для детских комнат. Потом мама вновь заведёт разговор о волшебной новогодней игрушке, которая хранится у неё с самого детства: маленький красный шар с нарисованной снежинкой, якобы исполняющий желания. По семейной традиции его вешают последним на ёлку.

Когда все наконец рассядутся за стол, напитки будут разлиты, а еда разложена по тарелкам, отец включит телевизор — снова, по давней традиции, посмотрим обращение Президента. Мама быстро напишет желание, сожжёт его над бокалом с безалкогольным шампанским и под бой курантов выпьет его. На последний удар мы встанем и крикнем: «С Новым годом!».

Потом мама и Виолетта Семёновна начнут звонить родственникам, чтобы поздравить их. В эту суматоху папа с дядей Мишей выйдут в подъезд, а вернуться уже в синей и красной шубах Дедов Морозов, чтобы в очередной раз спеть частушки под балалайку. Эта традиция была так же стара, как дружба наших с Лёшей родителей.

Но на этом музыка не закончится. Мама возьмётся за скрипку, а я сяду за своё пианино. И в комнате раздастся голос праздника, окутав нас в свою тёплую шубу, сшитую из уюта и любви. Это было так нормально, так естественно и привычно.

Когда в квартире станет слишком жарко, мы откроем окна, и за ними раздадутся залпы разноцветных салютов. Пока моя мечтательная мама с подругой будут их рассматривать, папа с дядей Мишей вынесут подарки к самой настоящей живой ёлке, пахнущей лесом и смолой.

После этого мы все оденемся, возьмём бенгальские огни и отправимся на улицу. Обычно в такие моменты мама и папа брали конфеты или мандарины, чтобы раздавать их случайным детям, но бывало, что обходились и без этого.

А когда, уставшие и почти готовые ко сну, мы вернёмся домой, я вынесу печенье, испечённое по рецепту бабушки, а мама — горячий шоколад, заботливо сваренный к этому случаю. И только после этого, ближе к шести утра, мы разойдёмся по своим постелям.

Мне было несложно представить это, даже если бы со мной был Лёша, который уже лет пять пропускал эти уютные ночи. Но мы выросли и хотели казаться взрослыми. Правильно ли это было? Ведь если бы мы остались с родителями, ничего бы в наших жизнях не изменилось.

Ближе к шести мы с Алиной начали прихорашиваться. Я надела простенькое, но развевающееся голубое платье: блестящий атлас спускался чуть ниже колен. К нему прилагался небольшой белый фартук с расшитыми узорами. С причёской заморачиваться не стала — завила свои золотистые волосы в локоны, перевязав часть из них за спиной голубой лентой.

Алина сказала, что в этом платье я была похожа не на старшеклассницу, а на Алису из Страны чудес. Но, если уж на то пошло, именно эта сказка была моей самой любимой. И то, что подруга считала платье слишком простеньким, для меня почти ничего не значило.

Зато моя подруга была полной моей противоположностью: высокая стройная девушка в алом блестящем платье, подчёркнутом чёрным корсетом. На шее — цепочка с подвеской-розой, а тёмные волосы убраны в высокий хвостик, украшенный красными заколками-рубинами.

Она не казалась принцессой из сказки, но была яркой и обворожительной. Если я в своём наряде казалась на год-другой младше, то она, наоборот, выглядела взрослой и строгой. Настоящая леди.

— Вы уже уходите? — поинтересовалась мама.

— Да, иначе не успеем на марафон фильмов, — проговорила я, перехватив со стола мандарин.

— Я на всякий случай напомню, что мы тут, через стенку. И будем заглядывать к вам, — сказала она, нагружая меня контейнерами с салатами и закусками.

— Куда столько? Мы же не собираемся только есть.

— Больше стол — богаче год, — ответила мать, вручая ещё две закрытые салатницы Алине.

Ничего не поделать. Суеверность моей мамы всегда не знала границ. А ещё у неё было особое отношение к еде на праздниках.

— Нас всего чет...пятеро, — опомнилась я, откладывая лишнее.

— Вы так помогли нам с готовкой. Нет уж. Либо сама возьмишь, либо я приду к вам.

— Лучше бери, — подсказала Алина.

— Всё! Не хулиганить! — ещё раз предупредила она, открывая нам дверь. — Я буду проверять.

— Она такая милая, — усмехнулась моя подруга, когда мы уже вовсю трезвонили в соседнюю квартиру.

Открыли нам не сразу, но за дверью явно что-то происходило. Был слышен смех Кирилла и чьё-то явное негодование. Дверь распахнулась — и дядя Миша с моим папой поспешно вышли. Кажется, у моего отца за спиной был красный мешок.

— С наступающим, Аврора, Алина, — проговорил сосед, в то время как папа потрепал меня за волосы и скрылся в соседней квартире, даже не став слушать моё возмущение.

— Что у вас тут случилось? — спросила подруга.

— Да всё как обычно, — ответил Лёша, приглашая нас внутрь. — Репетировали вечернее выступление. Хорошо, что вас тут не было.

— Наоборот, это было бы забавно, — сказала я, вручая парню салаты. — Мы вернёмся с ещё одной партией. А это пока разложите.

Когда мы снова зашли в квартиру соседей, нагрузившись угощениями и сумками с подарками, в зале уже хозяйничала Саша. Как я и подозревала, мне понадобилось время, чтобы в этой лёгкой и грациозной рыжеволосой девушке узнать ту неуклюжую девчущку по соседству, которая вечно что-то роняла, улыбалась только одним уголком губ и накручивала волосы на палец, когда переживала.

Держа в руках по четыре наполненные угощениями тарелки (две в ладонях, две на локтях), она порхала вокруг стола, с удивительной скоростью наводя уют. И, словно заметив моё удивление, подхватила пару мандаринов и подбросила их в воздух. За время, пока они падали,

успела выложить две салфетки, а после, легко схватив один фрукт рукой, а второй — зубами, поклонилась.

— Я научилась этому, когда подрабатывала официанткой в хабаровском рыбном ресторанчике.

— Не подлизывайся, — осёк её Лёша, тем не менее улыбнувшись.

— Ой, да ладно тебе! Занудой был, занудой и остался, — махнув рукой, сказала девушка, продолжая сервировку, но уже без трюков.

Меньше чем за полчаса мы успели накрыть стол, который оставили пока в стороне. Вместе устроились на диване, разложив вокруг себя тарелки со вкусностями и напитки, и включили заранее отобранные для этого вечера фильмы.

Но, как это обычно бывает, смотреть в полную силу не получалось. Ребята начали подтрунивать над персонажами, а Алина с Кириллом устроили бой подушками.

Лёша, по своей давней привычке, без конца снимал нас всех, подлавливая забавные моменты. Иногда мне казалось, что камера имела куда более близкие с ним отношения, чем я.

Поначалу присутствие Саши было неловким. Мы натянуто улыбались друг другу, встречаясь взглядами. Во время наших разговоров и шуток сестра Лёши держалась отстранённо. Однако мы сами не заметили, как слово за словом она влилась в компанию. И уже к концу просмотра второго фильма гостя также шутила с нами, выдавала интересные комментарии, которые приводили к дружескому спору между ней и братом.

Это выглядело настолько естественным и правильным, что годы, пролётшие между ними, постепенно начали растворяться. Несмотря на большую разницу в возрасте, общаться с этой девушкой было очень легко и непринуждённо. Саша слушала и отвечала, улыбалась и была очень милой.

Как выяснилось, она много лет провела на востоке, где выбрала университет для обучения, но о конкретной профессии так и не рассказала.

— Так вы вдвоём всё-таки начали встречаться? — как бы между прочим, спросила девушка.

— Всё-таки? А это было так очевидно? — удивилась я.

— А почему нет? Вы были не разлей вода. Лёша то и дело говорил про тебя, едва мы сюда переехали.

— Столько лет прошло. Всё десять раз поменялось, — поправил её брат.

— И что? Вы всё-таки вместе, — подчеркнула сестра. — Скажем так, у меня было предчувствие на этот счёт.

— А ещё ты мне говорила, что я умру в восемнадцать. Как видишь, жив-здоров. Говорить ты можешь что хочешь, но сложится всё так, как должно. А предчувствия твои, это ерунда.

— От своих слов я никогда не отказывалась, — мрачно ответила Саша.

— О чём ты? — спросил парень. — Я всегда думал, что это твои кошмары. Из-за них же ты сбежала.

— Глупый ты, братик! Сбежала я не из-за кошмаров, а потому что... То, что я тебе сказала, было предостережением. Предсказания могут сбываться, а могут и не сбываться. Главное, понять, когда в твоей жизни что-то может пойти не так. Знаки о приближающейся беде есть всегда.

— И как бы мне помогло твоё предостережение?

— Я не знаю. Для этого я здесь, — сказала Саша.

Было видно, что Лёша принял её слова за шутку. И не он один: Кирилл с Алиной тоже улыбнулись. А вот мне стало не по себе.

— Давай хотя бы сегодня не будем портить вечер нашими разногласиями на этот счёт. Окей? — проговорил Лёша с улыбкой.

— А если завтра такой возможности не будет? — неуверенно спросила сестра.

— Если завтра такой возможности не будет, то я разрешаю тебе забрать всю мою коллекцию книг и сжечь её к чёрту, — с усмешкой проговорил парень. — Так, ладно, давайте-ка лучше попробуем досмотреть фильм.

— Да что-то как-то не хочется, — проговорил Кирилл, пытаясь удержать виноградину на носу.

— Ваши весёлые разговорчики весь настрой сбили, — согласилась Алина.

— Может, в настолку? — предложила я.

— Не, давайте в этот раз опередим родителей. До Нового года ещё минут сорок осталось. Хотелось бы в этом году ещё потанцевать, — проговорила подруга, вскакивая с дивана. — Я как раз собрала плейлист на сегодня.

— Может быть, тогда лучше живая музыка? — предложил Кирилл. — Вы с Авророй можете открыть вечер.

— А не рановато? — спросил Лёша, облокотившись о спинку дивана.

— А почему нет? Всё равно после курантов нам не дадут.

— Аврора, что скажешь? — поинтересовался парень, повернувшись ко мне.

— Я не взяла синтезатор, — отметила я.

— Ну, твоего чудного нет, а мой старый «Октябрь», в принципе, всегда готов. Благо, родители этот гроб на колёсиках ещё не продали.

— Ты серьёзно? Я как-то...

— Не ломайся. Я сейчас принесу ноты, если не помнишь их. Кирилл пока поставит мою камеру. Почему бы не заснять? — ущипнув меня за ногу, сказал Лёша и кивнул, предложив мне выйти с ним. Я удивилась, но пошла.

— Ну и что ты делаешь? Щипаться было обязательно?

— Не совсем правильно тебя будет просить об этом, — начал парень, — но Кирилл хочет сделать Лине предложение. И он попросил меня подговорить тебя помочь ему. Мы должны отвлечь внимание твоей подруги. Идея была сыграть нашу с тобой песню.

— И ты молчал?

— Молчал. Я же хотел, чтобы это осталось для Лины сюрпризом.

— О чём мурлыкаете? — спросила Саша, найдя нас в коридоре.

— Саш, не сейчас. Ладно? — сказал ей брат.

— Раз уж вы оба тут, то я очень бы хотела поговорить о своём предостережении, — начала девушка, проигнорировав просьбу Лёши.

— О нет... Даже не начинай.

— Хочешь, фокус покажу? — спросила девушка меня, резко переключив фокус внимания.

— Какой?

— Я...

— Иди мимо. Не сейчас, ладно? Давай после курантов, если хочешь разнообразить наш досуг, — теряя терпение, сказал Лёша. — Мы будем в зале. Смотри шоу молча.

— Думаешь, меня интересуют ваши детские забавы?

— Наверное, да, раз ты ещё здесь.

— Я согласна, — проговорила я, желая остановить перепалку. — Но за нотами всё-таки нужно сходить. Я давно не играла драконов.

Мой ответ обрадовал Лёшу. Он улыбнулся и, даже не посмотрев в сторону сестры, убежал в свою комнату. А я вместе с Сашей вернулась к остальным.

— Так фокус хочешь? — спросила сестра моего парня.

— Ну давай, — согласилась я.

— А ты попытайся его разгадать. Хорошо?

— Хорошо.

Мы сели на диван. Саша взяла в руки бокал с обычной минеральной водой.

— Итак, смотри сюда. Попробуй, для чистоты эксперимента.

Удивившись предложению, я отпила маленький глоток — обычная минеральная вода, причём даже без газов.

— Знаешь волшебные слова? — поинтересовалась девушка.

— Нет.

— С таким настроением фокус не получится.

— Ладно... Хорошо, тили-тили-бомс.

— Тили-тили-бомс?

— Да.

— Давай вместе скажем их, — проговорила Саша, взяв меня за руку.

Хоть я и была сильно заинтригована — чувствовала себя, как на детском утреннике. Посмотрев на бокал, вместе с фокусницей произнесла волшебные слова. Сестра Лёши щёлкнула пальцем по стенке сосуда — он протяжно звякнул, и со дна тучей поднялись пузырьки, превратив воду в белое облако пены. Девушка сделала три плавных оборота, и водоворот сделал воду золотистой.

— А теперь попробуй.

— Что это?

— Ничего запретного, попробуй.

Я взяла напиток, понюхала. В нос ударил аромат яблока и корицы, так что у меня свело скулы. Этот запах невозможно было ни с чем спутать: мой любимый лимонад. Но в тот вечер его на нашем столе не было. Чтобы убедиться, я сделала небольшой глоток. Приятная пряная сладость вызвала море детских воспоминаний из тех самых дней, когда мы с родителями отдыхали на юге и спасались от жары прохладительными напитками.

— Как? — удивилась я.

— Смотри за руками, — улыбнувшись, проговорила Саша, показав мне совершенно чистую ладонь.

Её платье, зелёное с глубоким вырезом, не оставляло мест для заначек. На кисти не было браслетов, а пальцы явно были совершенно свободны и пусты. Во второй руке был только бокал.

И уже без каких-либо волшебных слов девушка щёлкнула по бокалу ещё раз: пузырьки, поднявшись со дна, растворились, окрасив бокал в рубиновый цвет.

Теперь от содержимого пахло вишней, смородиной и мятой. Ещё один напиток не с нашего стола. Компот, который я не пила уже много лет, ведь варила его только моя бабушка. Её уже с нами больше не было.

— Ого, первый раз такое вижу! — удивилась Алина, подсев рядом.

— Старый как мир трюк с двойным бокалом, — немного разочарованно сказала Саша, поставив напиток на стол.

А вот я удивилась сильно: бокал был из того же набора, что и все остальные на столе. И если второй напиток всё это время скрывался где-то за оптической иллюзией на дне, то как он смог заменить сначала минералку, а потом и лимонад, при этом не смешавшись с ними? И откуда в этой комнате сразу два моих любимых напитка, которых здесь быть не могло?

Спросить об этом я не успела: Лёша уже вернулся в зал, а Кирилл освободил пианино, поставив рядом два стула и небольшую открытую сумку.

— И всё-таки как? — спросила я у Саши.

Но девушка лишь усмехнулась, взмахнув пальцами. Кажется, её обрадовала моя заинтересованность.

«Может, она всё время держала что-то в руках? Один напиток мог возникнуть со дна бокала, а второй — из её рук».

Поразмыслить над фокусом я не успела, но пообещала себе, что получше расспрошу об этом Сашу, когда будет возможность. Тем временем она настороженно смотрела на брата, явно желая о чём-то с ним поговорить. Лёша этого не замечал или делал вид, что не замечает.

Всё-таки, хоть его сестра явно умела расположить к себе, напряжение между ними не спало окончательно. А у меня в голове зародились новые вопросы, среди которых лидировали всего два: «Зачем же она всё-таки ушла?» и, если уж на то пошло, «Почему вернулась?».

Лёша, установивший ноты над клавишами, пригласил меня. А я, почувствовав, что меня пытались втянуть в очередную авантюру, поддалась их плану.

Я знала, какую песню мы сыграем — другой просто не могло быть. Её мой парень шутки ради сочинил ещё когда мы были детьми. Год назад, когда мы начали встречаться, мы о ней вспомнили, чтобы просто посмеяться.

И в один из вечеров он просто пришёл ко мне в гости с горящими от восторга глазами. Лёша не мог объяснить мне, в чём дело. Только тараторил без умолку о чём-то невнятном. Я ненароком стала грешить на выход какой-нибудь новой книги, но сильно ошиблась.

Парень просто выхватил синтезатор и сыграл её — музыку, ставшую с тех пор только нашей. Мы назвали композицию «Балладой о влюбленных драконах». И играть её можно было только вдвоём. В одиночку такое просто не осилить: слишком большой темп и много переходов.

Песня делилась на две совершенно разные партии, перебивающие друг друга, сливающиеся, гармонирующие. Под конец обычно я брала флейту и доигрывала свою часть на ней, что придавало балладе сказочную атмосферу. В это время второй музыкант отыгрывал на пианино и пел.

По старой привычке я прошлась рукой по гладким клавишам инструмента. Хоть Лёша всегда называл свой «Красный октябрь» гробом на колёсиках, пианино было ухоженным. Ни одной царапинки на приятной тёмной лакированной поверхности. На верхней крышке никогда не стояло ничего: ни книг, ни цветов. Хотя Виолетта Семёновна, которая и мечтала, что её дети будут музыкантами, частенько зарилась на это пространство, пытаясь поставить там горшки с фиалками.

Друзья перебрались с дивана, заняв свои места за столом, устремив на нас взгляд. Только Саша сидела в стороне, стараясь не обращать внимания на происходящее. Кажется, в её глазах читалась обида.

И вдруг я замерла, словно голос инструмента мог причинить мне боль.

«Готова ли я отдать нашу с Лёшей песню кому-то ещё? Пожалуй, да. В этом не было проблем. Но что тогда так тревожит меня? Алина будет обручена — вот в чём была проблема!»

Да, я понимала, что всё давно к этому шло. Их отношениям на тот момент было уже восемь лет. Кирилл и Алина значительно старше нас с Лёшей. Даже странно, что мы так легко сдружились.

Я знала, что через год наш общий друг получит диплом и сразу же будет устроен на работу в университет, где уже подрабатывал помощником преподавателя физики. Ещё через год диплом получит и Алина, хотя она уже брала заказы на веб-дизайн простеньких сайтов. Они с прошлого года жили вместе и были готовы стать семьёй. Так что всё правильно.

Но... я не хотела их свадьбы. В ту минуту я боялась, что мы в последний раз отмечаем Новый год четвером. Уже летом я планировала переехать в другой город, а значит, никаких совместных сборищ у меня, Лёши или Алины, никаких походов в кино или обычных вечерних прогулок. Я понимала – всё останется в прошлом. А потом и мы с Лёшей повзрослеем.

Я попыталась представить, как это будет. Вот мы с нашими друзьями живём по соседству через лестничную площадку, точь-в-точь как наши с Лёшей родители. Ходим друг к другу в

гости, как надоедливые родственники, планируем общие праздники, выбираем обои в детскую для Алины и Кирилла.

Жизнь меняется, а мы держимся друг за друга, но... Всё это так сказочно, неправильно, неправдоподобно. Мало кому везёт сохранить дружбу, когда взросление давит на плечи. Скорее, мы медленно будем отдаляться: редкие встречи по праздникам, звонки, поздравления в сухих сообщениях в соцсетях, тишина... Вот как это будет, думала я.

Я обернулась, увидев тёмно-зелёные глаза Лёши. Свет отражался от его светлых волос как-то неправильно, слишком ярко, создавая белый нимб над головой. И в груди что-то противно сжалось.

— Всё в порядке? — спросил парень, обеспокоенно посмотрев на меня.

— Да, я только поняла, что у меня нет флейты. Но можно ведь и без неё?

— За это не переживай. Лучше давай так договоримся: ты будешь играть, несмотря на весь балаган, который тут будет. Я снимаю фильм про нашу четвёрку, — сказал он, кивнув в сторону телефона, установленного на штатив Кириллом, и его верной спутницы — видеокамеры.

Про фильм — тоже давняя история. Лёша часто снимал что-то отрывками про всех нас, но мы так и не видели его премьеры: он всегда говорил, что для этого кино ещё не настало время.

Я знала, что у парня был какой-то проект, который он скрывал от всех нас, но всё равно было интересно узнать, что именно Лёша делал. Лишь пару месяцев назад наш режиссёр торжественно сообщил, что его кинокартина близится к завершению и скоро мы увидим её.

Кивнув в знак согласия, я начала играть.

Музыка легко разорвала тишину, что нависла в квартире. Возвращение сестры, дурацкие разговоры о смерти, неловкость из-за скорой помолвки моей подруги — всё давило на нас тяжёлым бременем, оттягивающим от волшебства предновогоднего часа.

И только тогда, когда из-под моих пальцев стали зарождаться звонкие и сильные звуки — от высоких «фа» и «си» до практически гортанных «ре» и «до», — всё плохое покинуло комнату. Не существовало больше ничего, кроме этой самой мелодии. Она возвысилась над всеми нами, став огромным, практически осязаемым существом, защищающим от дурного.

На пике превосходства музыки я запела, и голос инструмента слился с моим, превратившись в единое целое.

Следом за моими руками по чёрно-белому полю стали танцевать и пальцы Лёши. В эту самую минуту он снял с себя любимую маску безразличия, за которой так любил прятаться.

Только я знала, каким он бывает на самом деле: спокойным и вдохновлённым, влюблённым в искусство, простым и любящим. Да, он просто обожал скрываться за сарказмом, грубостью, наигранным пофигизмом, но в ту самую минуту парень, что всего год назад был лишь моим соседом, раскрылся. Улыбка осветила лицо, показав его настоящего.

Алина с Кириллом замерли, слушая небольшую историю любви, написанную в музыке. Казалось, и их она увела из обыденных размышлений, заставив забыть обо всём.

Но вся эта идиллия длилась недолго. Я играла, погружённая чуть ли не в транс, и вдруг...
«Бубен? Нет, мне не послышалось.»

Лёша перестал играть на пианино, откинувшись назад на спинку стула. Вместо этого он отбивал ритм на бубне. Причём, если учесть, что в музыке я была в разы сильнее, для своих способностей играл очень даже неплохо. И хоть с виду казался беззаботным, я видела его взгляд, следивший за моей реакцией.

Я продолжала играть, стараясь не засмеяться, хотя бубен добавил замешательства. На припеве Лёша вновь вернулся к пианино, делая вид, словно всё идёт по старому сценарию.

— Что ты делаешь? — шёпотом спросила я, когда он вновь бросил клавиши, заставляя меня играть за двоих.

Он не ответил, пожал плечами и выставил на коленях детский металлофон, отыграв оставшуюся часть своей партии на нём. Послышался смех наших друзей: ребячеством Лёша мог посоперничать с детсадовскими детьми, для которых и создан был этот инструмент.

Музыка близилась к завершению. Обычно в этом моменте я играла на флейте, но её у меня больше не было.

Так уж случилось, что инструмент был испорчен. В один из дней нам добавили лишнее занятие по математике — вместо привычных шести сделали семь уроков. Я никак не успевала домой перед музыкалкой, поэтому пришлось взять инструмент с собой.

На перемене одноклассники залезли в мои вещи, чтобы подурачиться и лишний раз поиздеваться надо мной. Обнаружив флейту, они засмеялись; один из мальчиков выхватил её, чтобы поиграть. Мало того что это и без того было кощунством (мундштук у меня был только один), так он ещё и умудрился её сломать.

Новую купить я не успела, да и не хотелось говорить родителям о своей утрате.

Я завершала свою партию, когда Лёша выхватил из-за спины посеребрённую флейту. Какое было моё удивление — он начал играть на ней! Ни разу не видела его ни с одним духовым инструментом. Конечно, не без фальши, но парень отыграл последний отрывок сам.

А Кирилл тем временем уже увлёк внимание Алины, предложив ей надеть небольшое золотое кольцо. Момент казался бы совершенно волшебным — если бы не Саша, которая, приснув, вышла из комнаты, демонстративно хлопнув дверью. Впрочем, на неё никто не обратил внимания, зато моя подруга сказала заветное:

— Да!

— А это тебе, — улыбнувшись, сказал Лёша, придвинув ко мне футляр из-под флейты, а ещё бубен и детский металлофон.

— Мне интересно, ты всегда будешь дурачиться? — с улыбкой спросила я.

— Пока жив — да, — улыбнувшись, сказал он, ещё раз ударив по звонким клавишам цветного металлофона маленькой металлической палочкой.

До Нового года оставалось всего двадцать минут. В этой суматохе, переполненные впечатлениями, мы с Алиной вспомнили и о наших подарках.

Видимо, немного придя в себя, сестра Лёши решила вернуться, но она явно была чем-то подавлена. И поскольку последней подарки вручала я, мне было жутко неловко: хоть я и не ожидала появления Саши, для неё у меня ничего не нашлось. На один подарок меньше нужного — плохой знак.

Подвеску-монету передала Кириллу, а Алине — рубиновый браслет с записной книжкой, идеально подходившие по цвету к её платью. И, конечно, заветную книгу, закутанную в зелёный шарф, вручила Лёше.

— Где ты это всё взяла? — вмешалась Саша, посмотрев на меня. Её прежнее негодование куда-то ушло, но она с нескрываемым презрением и любопытством разглядывала подаренные мной безделушки.

Стало по-настоящему жутко и неловко. То ли сестра Лёши возмутилась, потому что я для неё ничего не припасла, то ли заготовленные мной подарки стали для неё личным оскорблением. Можно подумать, я подарила ей дохлую кошку.

Вскочив, девушка схватила меня за плечи. А я растерянно её оттолкнула.

— А тебе всё скажи! Не надо меня так трогать!

Лёша и правда был удивлён книге и очень обрадовался. Это было видно по его взгляду и улыбке. Но поведение сестры моментально вывело его из себя. Парень отложил подарки, встав между мной и Сашей.

— Да что с тобой не так?! — возмутился он. — В чём проблема быть нормальной?

— Нормальной? — оскорбилась она.

— Да, нормальной! Не сбегать на десять лет, чтобы потом неожиданно, без предупреждений заявляться! Не пугать всех своими жуткими предсказаниями! Не хватать никого за плечи! Тебе никто ничего плохого не сделал! Ты думала, тебе здесь будут рады? Думала, что мы красную дорожку постелем? Или что? Мы и так тебя приняли! И как ты реагируешь? Портишь всем настроение!

— Я здесь не просто так! Ты не хочешь меня слышать!

— Что ты предлагаешь мне услышать?!

— Что тебе угрожает опасность! Я не собиралась портить вам праздник, но...

— Знаешь, что я думаю на самом деле? — перебил её Лёша. — Ты сбежала, потому что родители хотели отправить тебя на лечение. Ты знала, что с тобой что-то не так, но вместо того, чтобы попытаться работать над собой, решила, что тебя все хотят обидеть. Вот и сбежала. Я не могу понять только одного — зачем ты вернулась?!

— Ты правда так думаешь? — обиженно спросила Саша.

— Да.

Девушка резко вскочила, поправив длинные рыжие волосы, схватила свой огромный чемодан из угла и ушла в коридор. Спустя ещё минуту послышался хлопок входной двери.

Некоторое время мы вчетвером просто молчали, боясь нарушить тишину, образовавшуюся после ссоры. Волшебная атмосфера, сложившаяся после сюрприза парней, растворилась, как будто её никогда и не было. И только гирлянда на ёлке медленно подмигивала, напоминая о последних минутах уходящего года.

— Я извиняюсь, — первым нарушил молчание Лёша, явно разочарованный случившимся. — Если бы я знал, не стал бы её приглашать.

— Плохо, что она ушла, — неожиданно высказалась Алина, вызвав удивление друга.

— Почему?

— Десять минут до Нового года.

— Она могла бы не устраивать сцены.

— Мне кажется, что она переживает, — подсказала подруга. — Может, для тебя это кажется неважным и бредом, но Саша правда верит, что что-то случится. Если она больна, нужно убедить её заняться лечением.

— А что, если она здорова? — предположила я.

— И ты правда веришь, что со мной что-то произойдёт? — улыбнувшись, спросил Лёша, взяв меня за руку. — Брось, она предрекала мне несчастья ещё до побега.

— А если...

— Если, если... Я тут. Что со мной может случиться? Ну правда? Небеса упадут на голову? Обещаю, я буду пользоваться этим чудным шарфом, и даже насморк меня не попробёт.

— Тут я бы поспорил, — усмехнулся Кирилл.

— Пять минут осталось. Ребят, дальше будем грустить? — спросила Алина. — Бегом, бегом, бегом! Давайте праздновать!

Моя подруга вскочила, выхватив с полки пульт. Кирилл отправился за стол, чтобы налить в бокалы напитки, а вот Лёша остался рядом со мной, напряжённый нашим разговором.

— Всё будет хорошо, не переживай, — сказал он, посмотрев на меня.

Но его слова не могли меня успокоить. В душе скребли кошки. Мне слабо верилось, что с Сашей могло быть что-то не так, но она и правда весь вечер наводила на всех жути со своими фокусами, предсказаниями и переменчивым настроением.

Я представила лишь на миг, что с парнем, сидящим возле меня, и правда могло произойти несчастье. Как бы я жила без возможности в любой момент написать ему, даже ночью, зная, что Лёша в своей привычной шуточной манере, развеет любые мои сомнения и страхи? Как бы жила без дурачества и вечных съёмок? Без возможности увидеть его на выпускном? Без простых прикосновений, поцелуев? Как бы тогда изменилась моя жизнь?

Слёзы сами решили сползти по моим щекам.

— Хватит, ничего не случится, — сказал Лёша, крепко меня обняв.

— Вы чего тут устроили? Всё будет хорошо, слышишь меня? — присоединилась Алина.

— Лучше пошли праздновать. Год закончился!

И тогда я решила, что все эти переживания должны остаться в прошлом, в ушедшем году: предостережения, ссоры, страхи.

Когда-то давно мама сказала, что настоящие чудеса происходят в двенадцатый бой курантов. Именно в это время Земля делает оборот, перенося нас из прошлого в будущее, минуя настоящее. И всего на один миг происходит вспышка, которая делает этот мир тонким, уступчивым, гибким для наших желаний. Материальное уступает духовному. Этот миг — самый сильный для того, чтобы загадать самые невероятные желания. И пусть не всегда, но они сбываются.

И тогда, надев шарф на шею явно удивлённого Лёши, я пожелала — не словами, но образами — чтобы он жил, оставался рядом, никогда не покидал меня. Этот простой обряд, направленный на защиту, навсегда изменил всех, кто был в этой комнате.

Мы тогда ещё не знали. Меньше чем через два часа мрачное предсказание Саши сбудется. И только шарф, обычный вязаный шарф, сумел сотворить редкое, необъяснимое чудо.

— Что ты делаешь? — удивился парень.

— Никогда его не снимай! — сказала я, когда куранты отбили последний бой.

А после мы просто поцеловались, и все мрачные мысли ушли.

Глава IV

Под ивой, где гаснут звёзды

Если бы вам сказали, что жить осталось всего пару часов и ничего на свете не сможет это изменить, — что бы вы сделали? Стали бы обдумывать те действия, которые привели вас к такому исходу? Попытались бы спастись или восприняли всё как должное?

Мне чётко сказали: «Ты умрёшь молодым». И что я сделал? Просто отмахнулся от предсказания, решив, что всё это полная чушь, хотя знаков было более чем предостаточно.

Мог бы я что-то изменить, если бы прислушался к предостережению? Или то, что произошло, было неизбежным? Наверное, так и должно было быть. Я бы ни за что не поверил в свою гибель, даже если бы был смертельно болен. Ведь это мой способ бороться с неизбежным — отрицать.

Всё, что меня волновало после того, как Саша, хлопнув дверью, ушла в неизвестность, — сожаление об испорченном вечере, к которому мы с Кириллом долго готовились. Я уверен, девушки тоже приложили немало усилий, но оценить их по достоинству просто не получилось.

Аври умудрилась где-то раздобыть один из первых подарочных экземпляров моей любимой книги, а я, вместо того чтобы радоваться вместе с ней, устроил семейные разборки.

Всего несколько необдуманных слов от моей любимой сестрёнки — и всё пошло прахом! И я даже не понимал, кого действительно винил в случившемся: её или себя. Ведь прекрасно знал, что она, скорее всего, что-нибудь вытворит: уйдёт, устроит сцену, да даже предсказание моей смерти не было для меня сюрпризом. И всё равно допустил всё это.

«Надо было выгнать её сразу. Пускай праздновала бы в каком-нибудь отеле.»

Едва пробили куранты, мы сели за стол и принялись за еду. Все молчали, видимо, перебивая в уме мою ссору с сестрой. Как же я в тот момент её ненавидел! Я искренне желал, чтобы сестра больше не появлялась в моей жизни. Саша взбесила меня даже больше, чем в то утро, когда родители поняли, что она ушла и не вернётся.

Чтобы хоть как-то разбавить обстановку, Кирилл предложил включить музыку. Сначала мы робко её слушали, но постепенно некоторые песни стали напоминать нам о фестивале, который мы посетили в ушедшем году. Спасибо Алине и её любви к составлению плейлистов.

Да-да, и в нашем маленьком городке случаются праздники. Именно в ушедшем году впервые на поляне за лесом, окутавшим наш город, провели грандиозный рок-фестиваль. Нам не требовалось ни арендовать палатки, ни бронировать номер в гостинице: добраться до места можно было всего за сорок минут, если пересечь лес на велосипедах.

Целые сутки мы наслаждались летней жарой, хорошей музыкой, вкусной едой и неповторимой атмосферой. Помню, я тогда вернулся домой без голоса и весь обгоревший, но довольный, как кот, объевшийся сметаны. Целых два дня я выходил из комнаты лишь затем, чтобы поесть. Двигаться было настоящей пыткой: кожа горела, а мышцы сводило судорогой от усталости.

Мы погрузились в приятную ностальгию. На какое-то время нам удалось обо всём забыть: мы танцевали, веселились, пели. Я решил, что это ещё один идеальный момент, который может стать частью моего большого проекта. Я взял камеру и начал снимать нас — настоящих, дурачившихся и наконец-то улыбающихся.

Спустя час к нам заглянули дядя Костя с моим отцом: они наигрывали старые песни на балалайке. И знаете? Всё оказалось не так уж и плохо. Вручив нам по сладкому подарку, они

скрылись под звуки аплодисментов — мы долго ещё смеялись. А потом Алине пришла мысль, которая навсегда всё изменила: она предложила выйти погулять.

Меня родители отпустили бы без проблем, а вот с Авророй могли возникнуть сложности. Идея мне сразу не понравилась, но, глядя на стены, где весь день происходили только ссоры, я решил: сбежать на пару часов на свежий воздух, посмотреть фейерверки, покидаться снежками — не такая уж плохая затея.

Отпрашиваться мы не стали. Что говорить? Подростки. Родители нам слишком доверяли, поэтому даже ничего не заподозрили, когда Алина с Аври пришли к ним (по легенде, должны были забрать фотоальбом и миску с печеньем). Всего через десять минут девушки стояли в куртках и обуви, ожидая нас. Никто и помысли не мог, чем может обернуться эта обычная шалость.

Мы должны были дойти до дома Алины — он находился всего в пятнадцати минутах от нас, — а затем направиться к замёрзшему пруду, где люди просто обожали каждый год запускать фейерверки.

По очереди выбежав из подъезда, мы, как настоящие шпионы, оглядывались на окна квартиры Авроры, чтобы убедиться, что нас не заметили. Как только забежали за ближайший угол, расслабились и снова начали горланить песни.

Наш вид никого не удивлял и не раздражал. В конце концов, на улице было много людей: одиноких и пар, подростков и детей, державших за руки родителей. Кто-то ставил коробки с фейерверками, а кто-то направлялся гулять в сторону городской ёлки.

Небо окрасилось разноцветными огнями, а воздух пропитался запахом пороха от хлопков. Повсюду слышался смех, поздравления, взрывы. Дома, где люди отмечали главный в году праздник, подмигивали нам окнами, завешанными шторками-гирляндами.

Не помню ночи, когда был бы счастливее: рядом шла девушка, которую я так любил, мои лучшие друзья, а в совершенно ясном небе сверкали звёзды. Лишь луна-полумесяц смотрела на меня и ухмылялась, словно намекая на какое-то зло.

Вдохновлённый этой картиной, я вновь начал снимать всё подряд: фейерверки, бенгальские огни, которые мы зажгли, улыбки друзей, сияющие огнями дома и окутанные бриллиантами небеса.

— Мы быстро! Я переоденусь, и мы пойдём дальше, — с улыбкой проговорила Алина, забегая в дом вместе с Кириллом.

Она жила напротив небольшого пруда — маленького зелёного оазиса посреди серого города. Рядом с ним не было ни трасс, ни больших магистралей, только одна ветвь дороги, проходившая через мост над прудом. Часть её вела прямо из города (туда ехало большинство машин), а ещё одна — маленький съезд, полукругом спускалась к трём жилым панельным домам.

Около первой серой многоэтажки, к которой вела дорога, мы и остались ждать наших друзей. Напротив расположилась небольшая детская площадка, рядом с которой росло одинокое дерево: плакучая ива, склонившая ветви над замёрзшей водой. Сейчас она была необычайно красива: в сверкающих белых перчатках снега, с короной из луны и звёзд.

Едва ребята зашли в подъезд, мы ушли на площадку, потонувшую в сугробах. Было очень холодно: пар вырывался изо рта, ослепляя, заставляя ресницы покрываться белым инеем. Снег под ногами громко хрустел, словно состоял из битого стекла, а небо покрылось световыми столбами, соединяющими землю и небеса серебристыми лифтами.

Явление редкое, но очень красивое. Я пытался заснять его на камеру, но красная полоска в углу монитора сообщила — не выйдет. Села зарядка. И мне пришлось убрать камеру в сумку.

Аврора стала бросаться в меня снежками, уставшая от моей вовлечённости в съёмку. И, убрав сумку в сугроб, чтобы не мешалась, я присоединился к её игре.

Очень быстро я заметил, что Аври замерзала. Во всей этой суматохе она забыла шапку, и теперь пыталась спрятаться от мороза под капюшоном фиолетового пуховика. Её и без того светлые волосы стали покрываться ледяной коркой, а щёки порозовели, как у матрёшки.

Я снял с себя шарф, который она мне подарила, и укутал её, словно капюшоном. Крупная мягкая вязь отлично защищала от укусов мороза. Неизвестно, сколько ещё мы планировали гулять, поэтому такое решение казалось мне более чем логичным.

— Зачем? Не надо! — возмутилась девушка, стягивая шарф.

— Ты совсем замёрзнешь тут. Я заберу его у тебя, когда мы вернёмся домой, — пообещал я.

— Но...

— Никаких «но». Холодно!

— Как думаешь, где сейчас Саша? — неожиданно спросила Аврора, трогая мягкий шарф кончиками покрасневших от холода пальцев.

— Мне это совершенно безразлично, — ответил я.

— В такой мороз с ней может случиться беда.

— Думаю, она нашла, где переночевать. Наверняка уже сняла квартиру или номер в отеле. Сидит там сейчас одна. Может, даже спит.

— Тебе её не жалко?

— Ей нас жалко не было. Ты не видела, что было с родителями.

— А что было с ней? Где она была все эти годы?

— Где бы она ни была, ума не набралась, — разведя руками, сказал я. — Ты и правда хочешь поговорить о моей сестре?

— Нет. Просто она меня напугала.

— Предсказаниями? И мы опять возвращаемся к этой теме, — сказал я, показательно упав в сугроб.

Было приятно наконец-то прилечь, пусть и на холодный матрас из снега. Только в тот момент я понял, насколько сильно устал. Мысли вели меня домой, в спальню, к мягкой постели и тёплому одеялу. Одна только идея очутиться дома, где есть горячий чай, тяжёлая подушка и тёмное покрывало ночи, усыпляла. Я ненадолго закрыл глаза, погасив ночник из звёзд и ухмыляющейся луны. Наверное, так можно было бы даже уснуть.

С ивы свалился приличный кусок снега, угодивший мне в лицо, сразу отпугнув навалившуюся сонливость.

Аврора, увидев это, залилась звонким смехом.

— Тебе смешно? — наигранно обиженно спросил я.

— Нет... конечно, нет... — ответила девушка, сделав серьёзное лицо, после чего рассмеялась ещё громче.

Я попытался схватить её за руку, чтобы затащить в сугроб, но она увернулась, кинув меня снежком. Одним толчком я вернулся на расчищенный участок, нелепо поскользнувшись. Аврора снова рассмеялась, кинув ещё один снежок. В этот раз она не попала, зато попал я.

— Ах так?!

Она стала забрасывать меня новыми снежками — один из них попал в лицо...

Страшный свист шин разорвал тишину где-то совсем рядом, заставив сердце уйти в пятки. Я стряхнул с себя снег и увидел два сияющих огня в темноте, летевших в сторону Авроры. Не успев ни о чём подумать, крикнул её имя: «Аври!» — и рванулся.

Никогда прежде не бегал так быстро: меньше вдоха, одно мгновение, и я рядом! Мы столкнулись. Она улетела в сторону, а вот я — нет! Не успел. Мне лишь показалось, что Аври, упав, слишком сильно ударила головой. Но это ничего!

Думал ли я, чем это закончится? Нет! Я действовал неосознанно, на инстинктах. Просто не мог позволить ей умереть. Но и сам погибать не собирался. Наверное, надеялся, что, как в фильмах, проскочу, а может — всплеск адреналина позволит перевернуть машину. Но нет.

И когда два огня, как глаза рычащего чудовища, неслись на меня, я подумал о книге — последней, третьей из цикла «Повелитель драконов», которую никогда не прочитаю. Обидно.

Последовал сильный удар в правый бок, развернувший меня лицом к машине. В отчаянии я вцепился в капот, боясь провалиться под колёса.

Не было ни долгих размышлений о смерти, ни пролетающей перед глазами жизни. Ничего из того, что обычно описывают поэты и писатели. Но я всё-таки понял: умру.

Второй удар пришёл со спины — и меня придавило с двух сторон с такой силой, что перед глазами посыпались искры. Резкая боль пронзила сначала позвоночник, а потом и всё тело. Хотелось кричать, но не выходило.

Это была ива.

Я больше не смог сделать ни единого вдоха — не получалось! Мир перед глазами начал размываться, покрываться пеленой, но даже через неё я увидел за рулём темноволосую женщину без сознания, с разбитой головой.

Дрожа, лишённый способности мыслить, как разумное существо, вновь и вновь пытался выбраться, вдохнуть — сделать хоть что-то. Царапал капот, толкая от себя холодную грудку железа.

Предательски мозг продолжал подавать импульсы, вызывая всполохи боли. Но я не сопротивлялся им — наоборот: «Больно, значит жив!»

Я уцепился за это, всячески пытаюсь выбраться из плена. Жажда жить, дышать была настолько сильной, что не было страшно! В голове не укладывалась мысль, что всё кончено!

Вгрызаясь в боль, я держался за неё, старался хотя бы вдохнуть. При этом ничего не понимал, не помнил, не осознавал. Что-то горячее струёй стекало от живота к ногам, но это было не так важно. Меня уже не было: я умер раньше, чем сдалось тело.

Не осталось ни одной осознанной мысли: ни об Авроре, ни о родителях, ни о сестре. Не осталось ничего. Только животный инстинкт, требующий выжить любой ценой. Но у меня не получалось.

Холод, как анестетик, пробрался сначала в руки и ноги, затем сковал грудь... Боль отступила. Стало в разы легче. Я закрыл глаза, надеясь на передышку, — но так и не смог их открыть снова. Что-то мерзкое и неотвратимое потянуло меня в бездну, в неизвестность.

За болью пропал и холод, погасли звёзды и луна, исчезли машины, дерево, снег, дома, Аврора. Воздух стал плотным и безвкусным, как вода. Не было ничего. Только тьма и ощущение, что что-то позади меня ждёт, тянет белую руку.

Я должен был обернуться, чтобы увидеть свет и пойти к нему в объятия. Он бы привёл меня в мир, где воздух не отравлен тошнотворными выхлопами от машин, приторными духами и запахом сигарет. Там не было бы ни страха, ни сожалений, что окутали меня в междумирье.

Но я не хотел, хоть и понимал, что выбора у меня не осталось. Вместо этого вглядывался во тьму, надеясь увидеть что-то ещё, игнорируя позыв обернуться.

— Там ничего нет, — объявил женский тёплый голос за спиной.

— Нет, — согласился я. — Но кажется, что будто должно быть.

— Было когда-то давно, пока жизнь ещё оставалась.

В этом месте мне не нужно было дышать. У меня не было лёгких, не было рук или ног. Я ничего из себя не представлял, но по привычке, словно как в напоминание о чём-то важном, упущенном, сделал вздох, прежде чем обернуться и...

Сначала я думал, мне просто показалось. Золотые искры, словно звёзды с конца бенгальских огней. Они появились и погасли. Потом, словно взрыв в космосе, что-то беззвучно взорвалось, распространяя сотни крохотных огоньков, оставляющих за собой белые полосы. Они

двигались, делились, превращаясь в маленькие точки. И так до бесконечности, пока передо мной не выросла паутина, состоящая из золота, света и вспышек.

— Что это? — спросил я у голоса за спиной, но ответа не последовало.

Что-то яркое, большое, горячее вцепилось в меня мёртвой хваткой, притягивая к сверкающей многоуровневой паутине. Я не знал, правильно ли было следовать за неведомой силой, но выбора не оставалось. Либо это, либо свет позади, который, как мне казалось, уже погас.

Глава V

Истина

Страшный вой поднял меня из тьмы. Звук был невыносимый, механический, как чей-то отчаянный монотонный крик, эхом разносившийся по улицам. В глаза бил белый свет, но я отвернулась от него, перевернувшись на спину.

Голова трещала, словно её зажали в тиски. Что-то липкое, мерзкое стекало по виску, застывало на морозе, превращаясь в непроницаемую плёнку. Но я терпела, стараясь отстраниться от громкого звука, невыносимой тошноты, боли.

Лёгкое, почти неосязаемое дуновение ветра коснулось лица, как снежинка. Звук отдаляющихся шагов бегущего человека, почти полностью заглушённый воем, раздался совсем рядом.

— Алло... Да... Трое пострадавших... Нет, не знаю ... Адрес? Да, точно... Лермонтова, 24, на съезде к дому. Пожалуйста, умоляю, быстрее!

Голос, знакомый, девчачий, дрожащий, заплаканный, был словно из другого мира. Сознание постепенно требовало от меня действий, в голове, зарождались вопросы. Сил не было, но я уже не могла просто лежать.

Послышался резкий металлический стук, шаги, а потом вой затих, подарив мне блаженную тишину. Это позволило головной боли, хоть и не сильно, но стихнуть.

Привыкнув к новому состоянию, я открыла глаза, увидев миллиарды сверкающих звёзд, мерцающих на морозе и тонущих в облаке пара, образовавшемся от моего дыхания. Звон в ушах от протяжного долгого гудка ещё оставался, поэтому я не сразу услышала крики. Не поняла, что всё ещё лежала на заснеженной земле, ощущая, как желудок противно сжимается.

— Кирилл! Надо что-то сделать! Надо вытащить его оттуда! — кричала Алина.

«О чём это она?»

— Стой! СТОЙ, НЕ ПОДХОДИ! Оставайся с Аври! — рыкнул Кирилл.

Мысли пытались собраться в единую цепочку, но тут же распались, как бисер из порванного браслета.

«Что происходит? Кирилл решил запустить фейерверки? Да... точно... Новый год! Он попросил Алину остаться со мной... Там, где безопасно».

— Кирилл? — чуть не истерично позвала Алина.

— СТОЙ, Я СКАЗАЛ! Не ходи сюда! Звони! Звони, пока не ответят!

Звук скрежета, перекликающихся нервных напряжённых голосов, никак не сопоставлялся с моей версией происходящего.

— Нужна помощь? — спросил взволнованный незнакомый мужчина.

— А... да, да, нужна! Нужно оттащить машину! — напряжённо проговорил Кирилл. — Я не могу, если уберу руку, кровь пойдёт дальше. Она жива, но рана на шее очень серьёзная.

— Машину не сдвинуть, — заявил незнакомец.

— Подержите руку здесь! Я сам попробую!

— Надорвёшься только! Скорую, МЧС вызвали?

— Вызвали!

«Да что всё-таки происходит?»

Не сразу, но память начала возвращаться.

«Я кидалась снежками в Лёшу, а потом... потом оказалась тут. Нет... Случилось что-то ещё...»

Вспомнила его напуганный взгляд. Он толкнул меня — сильно, больно! Лёша никогда не причинял мне боль, а тут...

Сердце застучало, в груди всё сжалось. Я вспомнила свист шин, звук столкновения и разбивающегося стекла. Что-то огромное, холодное, тяжёлое проскочило рядом со мной. Что-то, что утащило Лёшу.

Было трудно, но я попыталась подняться на локтях. Картинка была размытая, словно я смотрела через матовое стекло. Мужчина, без шапки, с проседью в тёмных волосах, в одних только свитере, штанах и резиновых тапочках, склонился над чьим-то телом: кажется, женщина, с тёмными спутанными волосами.

За ними был яркий белый свет. Фары — всё ещё включённые, всё ещё освещавшие что-то под ивой и силуэт Кирилла, пытавшегося что-то сделать. Сфокусироваться не получалось.

— Что?..

Кто-то схватил меня, прижимая к себе.

— Не надо! Не смотри!

— Что происходит? — спросила я, подняв взгляд.

Алина смотрела на меня заплаканными глазами. Тушь потекла, испачкав щёки и подчеркнув и без того тёмные глаза. Она была взволнована. Руки дрожали, но подруга, словно мать, успокаивающая напуганного ребёнка, продолжала прижимать меня к себе. Я снова попыталась повернуться к свету, но она крепко удерживала меня.

— Смотри на меня, хорошо? Скоро... скоро нам помогут, — пообещала девушка, явно неуверенная в своих словах.

— Нет, не трогай его! — крикнул ещё один незнакомец. Уже другой человек, не тот, что сидел около женщины.

— Но... надо его вытащить! Нельзя же оставить так?! — отозвался Кирилл.

— Оставь. Просто отойди! — продолжил мужчина.

— Но...

— Уйди отсюда!

— Мы можем её оттолкнуть! Хотя бы попытаться... Нельзя же...

— Всё, парень, хватит. Мне силой тебя отсюда оттаскивать?!

«О чём они вообще говорят?»

Мысли были размытыми, никак не хотели собираться воедино. Всё казалось бессмысленными обрывками, которые просто не складывались в единую картину: отталкивающий меня Лёша, вой гудка, звёзды, Алина, прижимающая меня к себе, сияние фар...

— Лина, я не понимаю... — проговорила я, надеясь, что она объяснит мне происходящее.

— Не надо понимать, — ответила девушка. — Всё... всё будет хорошо. Сейчас приедут полиция, врачи. Всем помогут.

Кирилл проскочил где-то рядом, даже не обернувшись на нас. Руки дрожали. Что-то тёмно-бордовое капало с них на белый снег под его ногами. Друг поспешно выхватил у Алины телефон: всё это время она продолжала звонить, но, похоже, безрезультатно.

— Что? Что ты делаешь?

Но, видимо, он и сам не мог понять, что именно собирался сделать. Некоторое время, словно раздумывая над чем-то очень важным, Кирилл смотрел на экран смартфона, освещавшего его побледневшее лицо бледно-голубым светом.

— Лин, не надо звонить. Надо идти! — проговорил парень, убирая смартфон в карман куртки.

— Но... но ведь ему помогут? Не всё так плохо?! Да?!

— Нет. Ты же понимаешь, что нет, — дрожащим голосом ответил он.

— Что? Что нам делать? — вопрос был бессмысленный, отчаянный.

Руки Алины ослабли, когда она с надеждой посмотрела на Кирилла.

— Прежде всего, нужно помочь Авроре, — сказал он, глядя на меня. — Потом дойти до дома Лёши. Поговорить с родителями. Они всё равно скоро узнают. Будет лучше, если от нас.

— Ты уверен? Он может быть ещё...

— Нет, Лин, нет! НЕТ!

В очередной раз, пока Алина была в замешательстве, я обернулась — и все кусочки наконец встали на свои места.

Первое, что я увидела, — машину, искорёженную, изуродованную ударом о дерево. Капот вмяло, лобовое стекло треснуло, но каким-то чудом фары продолжали работать, освещая картину ещё более страшную. Я наконец увидела...

Крик сам вырвался из горла. Сознание отказывалось воспринимать увиденное. Попыталась вскочить, подбежать, но Алина вцепилась в меня мёртвой хваткой. Я протащила её по снегу, но она всё равно не отпустила.

Кирилл преградил мне путь — и я увидела, что он тоже напуган: белое болезненное лицо, серые глаза, и без того большие, казались ещё больше. Волосы — тёмные, растрёпанные, испачканные чужой кровью, прилипли ко лбу.

— Аври, не надо! — твёрдо сказал он. — Понимаешь меня? Не надо!

— Ему нужна помощь! Надо помочь! А вы просто сидите тут!

Что было сил, ударила друга по щеке. Воспользовавшись его замешательством, рванулась вперёд, чтобы пролезть к человеку, толкнувшему меня от смерти. К парню, которого я так сильно любила.

«Они хотели оставить его там!» — орал внутренний голос.

Мои друзья вдруг стали казаться мне худшими врагами. И я в моменте возненавидела их за бездействие.

— Аври... СТОЙ! — возмутилась Алина, но я не слушала.

Она вскочила, прыгнула на меня со спины, повалив на снег. Я кричала, царапалась, кусалась, пинаясь — делала всё, чтобы вырваться, но друзья держали меня из последних сил.

Кирилл подхватил, поднял так, чтобы я не могла сопротивляться. Но я вцепилась в руки друга ногтями, игнорируя любые просьбы перестать. Алина крутилась рядом, безуспешно пытаясь помочь парню.

— Вы предатели! Вы хотите оставить его! Хотите дать ему умереть!

Люди в ужасе оборачивались на нас, смотрели, но не подходили. Какая-то возня продолжалась возле женщины, лежавшей рядом в сугробе. Народ всё прибывал, сгрудившись возле страшной картины, закрыв от нас свет, освещавший иву.

Где-то совсем рядом, буквально за нашими спинами раздался взрыв. Небо окрасилось в красные, зелёные, жёлтые огни. Выкрики поздравлений, словно вырванные из другой реальности, оглушили. Замерла, позволив друзьям оттащить меня настолько далеко, чтобы я уже даже не пыталась вернуться.

Совсем выдохнувшись, Кирилл ослабил хватку, поставив меня на ноги. Резкая боль ужалила в лодыжку, и я села в сугроб. Алина тоже сдалась, опустившись рядом, закрыв лицо руками.

Мы так и замерли, молча, пока где-то не так далеко взрывались фейерверки, а люди продолжали поздравлять друг друга.

Весь мир стал казаться балаганом, бездушным и несправедливым.

«Как в такую ночь кто-то мог запускать салюты? Как вообще хоть кто-то мог радоваться, когда в одночасье весь мир рухнул к нашим ногам? Откуда у этих людей улыбки на лицах?»

— Нужно идти, — неожиданно сказал Кирилл, нарушив молчание.

— Куда? — заплаканным голосом спросила Алина.

— Отведём Аври домой. А дальше решим, — сказал он, избегая моего взгляда.

— Лучше вернуться... Может, пойдём к нам домой? — спросила Алина.

— Нет! Не надо, — тяжело вздохнув, сказал парень, неосознанно проведя пальцами по щеке, на которой всё ещё красным пятном горел след от моей ладони.

Впервые с момента, как я ударила Кирилла, он посмотрел на меня. Трудно было понять, какие эмоции читались на его лице: шок, испуг, сожаление, обида — или всё это вместе.

— Ты сможешь идти? — спросил он, стараясь сделать голос твёрже, но я всё равно слышала, что Кирилл едва держал себя в руках.

Мне стало жутко стыдно за то, что я ударила его. За то, что назвала предателем.

Друг протянул мне руку, и я оперлась. Вставать было страшно — боль в ноге была нестерпимой, но мёрзнуть на улице дальше не хотелось. Я всё пыталась вспомнить, когда именно умудрилась повредить ногу: то ли когда падала от толчка Лёши, то ли пока пыталась вырваться.

Меня трясло — не от холода или удара головой, а от увиденного. Перед глазами всё ещё всплывали страшные образы: горящие фары, женщина в снегу, дерево...

— Да, смогу.

— Кирилл... — попыталась вмешаться Алина, но он не дал ей продолжить.

— Значит, идём, — проговорил друг, подхватив меня под руку.

Девушка смотрела на него с сомнением, но, поняв, что парень уже принял решение и не собирался с ней спорить, подхватила меня под вторую руку. И мы пошли в сторону дома.

Боль в ноге усиливалась. Мы останавливались, чтобы я могла передохнуть. Тошнота по-прежнему мучила меня, перед глазами всё расплывалось.

— Тебе нужен врач, — проговорила Алина, помогая мне удержаться на ногах. — Нужно было остаться.

— Нет, — ответили мы с Кириллом одновременно.

Никто не обсуждал увиденное. Меня не спрашивали о случившемся. Мы просто шли, преодолевая скользкие дороги, толпы веселящихся людей и косые взгляды.

Сложнее всего оказалось зайти в подъезд. Где-то внутри у меня всё оборвалось. Живот сжало, скрутило от мысли, что сейчас я окажусь дома...

«Родители... Они ничего не знают! ...Никто ничего не знает!»

— Нет! Не пойдём! — воскликнула я, крепче вцепившись в плечи друзей.

— Я сам всё расскажу, — пообещал Кирилл, помогая мне подняться по лестнице. — Знать бы ещё, что именно случилось.

— Я... я не знаю, — прошептала я, и горячие слёзы обожгли замёрзшие щёки.

Осознание, неожиданное, резкое, больное, ударило, как кувалдой. Всё это время я не плакала, злилась, потому что считала, что все бросили Лёшу, но это было не так. Никто его не бросал. Просто ничего уже нельзя было сделать. И сейчас, заходя в подъезд, я начала осознавать эту истину.

— Я знаю, — сказала Алина, побледнев ещё сильнее. Похоже, её тоже мучила тошнота. — Я всё видела.

Мы стояли возле квартиры. Она была заперта. Кирилл постучал, крепче сжав мою руку.

За дверью слышались голоса — не радостные, но явно не связанные с тем, что произошло. Нас впустила Саша, одетая в серое пальто. В руках она держала ручку чёртова чемодана. Её взгляд сначала поймал Кирилла, затем медленно переместился на меня. Некоторое время девушка молча смотрела. Нас было трое... не четверо. И до неё дошло.

— Я опоздала, — прошептала сестра Лёши.

Саша всё поняла без слов. Девушка опустила на пол, скатившись по стенке. Но никто не посмотрел в её сторону. Все слишком привыкли к её переменчивому настроению и неадекватности.

Но то, что ждало нас дальше, казалось ещё ужаснее, чем увиденное мной возле ивы. Мама Саши выскочила в подъезд, видимо, желая сказать что-то нелицеприятное своей дочери, но замерла, увидев нас.

— Что? Что с вами случилось? — в ужасе спросила она, заглядывая нам за спины.

— Я отведу Аврору в комнату и всё объясню, — строго произнёс Кирилл, стараясь держать ситуацию под контролем.

— А где Лёша? И где вас носило?! Мы все переживали!

Меня затрясло. Друг крепче схватил меня, приблизил к себе и шепнул:

— Держи себя в руках. Дай мне самому всё решить.

Нельзя было назвать Кирилла спокойным, но в сравнении со мной или Алиной он держался, понимал, что делать, принимал решения. Я удивлялась его стойкости. Не знаю, где бы мы были, если бы не хладнокровие друга. Так бы и ждали скорую помощь в морозной ночи, лишь укрепляя в памяти ужасные картины случившегося. И сейчас, после всего, я была безумно благодарна Кириллу за то, что удержал, не пустил к иве, увёл от неё.

Вопросы посыпались градом, но не от моих родителей — от Лёшиных. Я почти ничего не слышала, лишь почувствовала, как заботливые руки мамы перехватили меня из объятий друзей. Она и папа увели меня в свою комнату, помогли снять испачканную куртку, усадили на кровать, пока Алина и Кирилл подвергались жёсткому допросу.

— Милая, объясни, что случилось? Никто ничего не скажет тебе, обещаю, — коснувшись коленки, тихонько спросила мама. — Тебя кто-то обидел?

Сказать хотелось, но я не могла. Слова комом застряли в горле, душили, терзали. Наверное, я ещё не была готова говорить об этом. Перед глазами всё ещё плавали зайчики от ярких фар.

Никого не спрашивая, Алина прокралась в комнату, как кошка. Села рядом, крепко схватив меня за руку. На подруге уже не было уличной одежды. Её поведение ещё больше озадачило моих родителей. Казалось, Лина готова была защищать меня, но этого не требовалось.

Раздался крик из коридора, от которого все мои внутренности покрылись льдом. Отвратительное дежавю нахлынуло, как ледяной дождь в летнюю жару. Точно так же мы утром: я, родители и Алина сидели и слушали ругань соседей после возвращения Саши. Правда, сейчас никто не встал, чтобы включить музыку, заглушить то, чего не хотелось слышать.

Из бессмысленных наборов слов, обвинений в нашу сторону прозвучала истина, которую пока никто не осмелился озвучить вслух: «Лёша погиб». И ничто не могло это исправить: ни попытки друга оттащить машину, ни моё стремление подбежать к иве, ни обвинения в сторону Кирилла, которому по какому-то року судьбы пришлось отдуваться за нас всех.

Отец сорвался, едва услышал звук приближающихся шагов, чтобы никого не пустить в мою комнату. Я смотрела в зелёные глаза матери, боясь увидеть в них осуждение, которое уже прозвучало от нашей соседки. Но его не последовало. Она лишь крепче обняла меня, закончив расспрос.

Не сразу, но всё стихло. К нам в комнату так никто и не пробрался. Мама убедил меня смыть кровь из раны на лбу, которую я получила, когда упала. Потом она принесла нам с Алиной чай, приятно пахнувший горными травами.

Как я уже писала, у моей мамы было своё видение о лечении душевных травм. И в этот раз её забота помогла хоть ненадолго загасить в глазах зайчики от фар и заглушить гудок машины, звенящий в голове.

Алина никуда не ушла, оставшись в моей кровати. Она так и была в джинсах и джемпере. Я погасила свет и легла к ней, не раздевшись.

Мы не разговаривали, утонув каждая в своих мыслях. Просто держались за руки так, будто они срослись, рассматривая серый потолок в тёмной комнате, пока не наступили тревожные сны.

Глава VI

В другой реальности

Не было ничего слаще, чем первый вздох: глубокий, ледяной, как стакан воды в знойное летнее утро. Воздух пах морозной свежестью, влагой и цветами. В груди билось сердце: настоящее, живое. Боли не было, а воспоминания о случившемся погасли, как кошмар после пробуждения.

Я с удовольствием открыл глаза, увидев плетёные ветви ивы. Они, словно цепкие руки, тянулись ко мне.

— Не до-дож-ждёшься! — проговорил я дереву, желавшему меня обнять.

Язык как-то противно заплетался, а небо кружилось, будто я смотрел на водоворот сверкающих частиц. Но разве это важно? Я был жив! Вот что действительно имело значение! Я лежал на удобном мягком сугробе, укрытый покрывалом снега.

Чтобы убедиться в своей целостности окончательно, вскочил, осмотрел себя: руки, ноги, грудь — всё целое, невредимое. Только вот что-то горячее ударило в щёки, желудок скрутило, а ноги подкосились. Удержаться не смог — упал. Но ведь я буквально только что пережил собственную смерть. Хорошо, что вообще мог стоять на ногах.

Подождал, пока приступ сильного головокружения спадёт, встал, сделал первый шаг. Победа! Сумел устоять на ногах. Что-то противно хрустнуло под ногой, воткнувшись в подошву тяжёлого ботинка.

Поднял ногу, чтобы посмотреть. Очередной приступ головокружения застал меня врасплох, и я снова грохнулся на лёд. Голые ладони, горячие, живые, погрузились в ворох снега.

Выругавшись, я поднялся, посмотрел под ноги и понял, как мне повезло, что не проткнул себе ладонь. Битое стекло, как пайетки, блестело в ночи. Покрытые тонким слоем снега, осколки тянулись до самых корней ивы. Словно упавшие звёзды, прямо на моих глазах зажглись маленькие красные свечи, осветив траурный венок. Его сторожил отряд мягких игрушек: зайцы, медведи, мышата, под ногами которых аккуратной горкой лежали красные гвоздики.

«Вот откуда запах цветов», — подумал я.

Желудок сделал кульбит. Посмотрел под ноги ещё раз, увидев чёрные следы от шин, проскользивших прямо в том месте, где я стоял. В памяти слишком отчётливо вспыхнуло воспоминание о смерти, и, словно призрак машины, что-то проскочило сквозь меня в сторону ивы, устроив по моему телу марафон мурашек. Всего на секунду я вновь почувствовал нестерпимую боль, сковавшую меня во время аварии.

В ужасе отпрыгнул, снова упав в сугроб. Я понятия не имел, что за чертовщина происходила, но успокаивал себя приятным фактом — «Я жив!». И веночек, украшавший иву, принадлежал не мне.

Под рук

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.